

КРУГЛЫЙ СТОЛ

СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ: ПРОБЛЕМЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Обсуждался круг проблем, касающихся молодежи, как особой социальной группы.

Является ли молодежь цельной социальной группой; ценности, определяющие поведение молодежи и источник их формирования; отношение молодежи к идее и практике гражданского общества; проблема ксенофобии в молодежной среде и влияние способов коммуникации на социализацию и социальный статус молодых людей – вот неполный перечень вопросов, затронутых участниками.

В обсуждении участвовали: А.М. Аблажей, М.А. Абрамова, В.В. Глинский, О.А. Донских, В.Я. Карпов, Н.И. Макарова, П.Д. Муратов, Л.А. Осъмук, Т.А. Ромм, Н.Л. Чубыкина, Л.Л. Штуден

А также: Б.С. Сивирин, М.Ю. Немцев, Е.С. Котова, Д.С. Калинин, И.Ю. Лапова, В.З. Шурбе и др.

Ключевые слова: самоидентификация, социокультурная адаптация, возрастная группа, способы коммуникации, Интернет, ксенофобия, субкультура, гражданское общество.

15 декабря 2010 г. в Областной научной библиотеке (Новосибирск) прошел круглый стол на тему «Современная молодежь: проблемы самоидентификации».

Обсуждали следующие вопросы:

1. Насколько цельной является молодежь как социальная группа?
2. Какие ценности определяют поведение молодежи?
3. Молодежь и гражданское общество.
4. Как новые способы коммуникации влияют на сознание молодежи?
5. Насколько существенной является проблема ксенофобии в молодежной среде?
6. Молодежь и ценность образования.

Участвовали члены редакционной коллегии и редакционного совета: **Олег Альбертович Донских**, д-р философских наук, профессор, главный редактор журнала; **Нина Ильинична Макарова**, кандидат искусствоведения, доцент; **Павел Дмитриевич Муратов**, кандидат искусствоведения, доцент; **Людмила Алексеевна Осъмук**, д-р социологических наук, профессор; **Татьяна Александровна Ромм**, д-р педагогических наук, профессор; **Наталья Леонидовна Чубыкина**; **Лев Леонидович Штуден**, д-р культурологии.

Приглашенные гости: **Мария Алексеевна Абрамова**, д-р педагогических наук, профессор, сотрудник сектора этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН; **Анатолий Михайлович Аблажей**, кандидат философских наук, зав. сектором социологии науки и образования Института философии и права СО РАН, доцент фило-

софского факультета Новосибирского государственного университета; **Владимир Васильевич Глинский**, д-р экономических наук, зав. кафедрой статистики Новосибирского государственного университета экономики и управления; **Владимир Яковлевич Карпов**, зам. председателя Новосибирского областного Совета депутатов, секретарь Новосибирского обкома КПРФ.

По традиции заочного участия в обсуждении вопросов круглых столов свое видение изложили: **Борис Сергеевич Сивринов**, д-р социологических наук, зав. кафедрой социологии и социального управления Сибирской академии государственной службы; **Михаил Юрьевич Немцев**, кандидат философских наук старший преподаватель кафедры философии Новосибирского государственного университета экономики и управления (НГУЭУ) и кафедры социологии НГТУ; **Елена Сергеевна Котова**, кандидат социологических наук, заместитель руководителя Центра содействия трудоустройству выпускников НГУЭУ; **Дмитрий Сергеевич Калинин**, специалист по связям с общественностью Центра содействия трудоустройству выпускников НГУЭУ; **Ирина Юрьевна Лапова**, кандидат философских наук, **Вера Захаровна Шурбе**, кандидат социологических наук. А также респонденты, которых можно отнести к рассматриваемой возрастной и социальной группе.

Олег Альбертович Донских. Сегодня мы проводим очередной круглый стол в рамках нашего журнала «Идеи и идеалы», и этот круглый стол посвящен, я считаю, одной из ключевых проблем, которая всех нас так или иначе волнует. А раз это ключевая проблема, у всех на этот счет есть мнение. Тема эта – «Современная молодежь: проблема самоидентификации». Это общая постановка вопроса. Тема очень общая и серьезная, мы подготовили список вопросов, которые будут разосланы известным экспертам в Москву, в разные города здесь, в регионе, и в Новосибирске. Эта практика хорошо себя зарекомендовала, потому что получается объемный взгляд на проблему. Надеюсь, и на этот раз мы тоже получим интересные ответы.

В качестве некоторого введения мне хотелось бы привести данные одного исследования «Российская молодежь: социологический портрет» (М., 2010). Авторы его – М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги. Это исследование было проведено московским Институтом социологии, мне его передал директор

института, когда я был в октябре в Москве, в качестве презента нашему журналу. В работе есть интересные вещи, которыми я хотел бы поделиться. В частности, один из моментов, с которого я бы хотел начать, – это отношение к истории и образ истории, как его понимает молодежь. Важность отношения к истории, я думаю, подчеркивать не нужно, я просто приведу результаты.

Отношение к России до 1917 года. Это уважение к православной церкви (61,4 %), любовь к Отечеству (35,5 %) и т.д. В целом, Россия до 1917 года – это патриархальная, экономически отсталая страна.

Второй этап – Россия периода Сталина. Главные характеристики этого периода – 71 % опрошенных считает, что Россия характеризуется любовью к Отечеству, чувством гордости за свою страну (53 %), быстрым экономическим развитием и чувством страха (68,7 %). Ну и, конечно, дисциплина и порядок (83,2 %). (Это очень типично, что данное время характеризуется дисциплиной и тем, что цены снижали.) Возникающий образ – индустриально раз-

вивающейся империи, основанной на деспотии.

Третий период – это период Хрущева. Он характеризуется успехами в образовании (41,6 %) и прочими замечательными вещами вроде подъема сельского хозяйства (!), быстрого экономического развития и авторитета в мире. Образ зарождающегося открытого общества, продолжившего индустриализацию и технологическое обновление страны в опоре на элементы демократизации политической и общественной жизни.

Следующий этап – это период Брежнева. Опять успехи в образовании (75,5 %), искусстве (63,6 %), науке и технике (74,5 %), социальной защищенности населения (75,9 %), бюрократией (64,5 %). Это образ самодовольного эволюционирующего бюрократического государства умеренного достатка с приоритетом духовной деятельности.

Следующий период – это период Горбачева. Кризис (37 %), межнациональные конфликты (45 %), коррупция (45,9 %), гражданские и политические свободы (44,3 %), бюрократия (53 %). Образ зарождающегося за счет распада прошлых общественных отношений бюрократического государства, отягощенного экономическим, политическим и социальным кризисом.

И период Ельцина. Бездуховность (81,8 %), уважение к православной церкви (58,3 %), кризис (92,7 %), неуверенность в будущем (93 %), социальная несправедливость (85,6 %), межнациональные конфликты (84,8 %), бандитизм (95,8 %), коррупция, взятки (92,4 %), страх (50,6 %). Образ находящегося в глубоком экономическом и политическом кризисе, духовно падшего коррумпированного государства, полностью отчужденного от своих граждан.

Вот такое интересное представление об эволюции нашего государства, нашей страны.

И, соответственно, вопросы, которые я хотел бы в связи с этим обсудить: может ли, опираясь на такой образ государства, молодежь стремиться развивать вот это самое государство и гордиться им? Есть ли здесь основания для какого-то оптимизма в молодежной среде? Может ли молодежь, если принять за факт такой образ прошлого, стать той социальной группой, которая приведет Россию к какому-то процветанию, благосостоянию и т.д.?

Нина Ильинична Макарова. Мне кажется, что ситуация немного сложнее в том плане, что молодежь – это наиболее восприимчивая часть общества и быстрее реагирует не только на конкретные изменения, но, прежде всего, на попытки создать идеологически определенный образ государства. Надо сказать, что и в наших источниках, и в зарубежных подчеркивается, что примерно 30 % молодых людей в начале 2000-х годов поддерживали политику правительства. В этом плане, если Вы привели именно последние статистические данные, это свидетельствует о том, что сейчас, действительно, кризис доверия к властным структурам. Опять же, если мы обратим внимание на то, что всего лишь за пять лет рейтинг доверия резко упал, при том что государственная политика практически не изменилась, то это знак того, что нашей молодежью легко можно манипулировать. Это свидетельство того, что молодежь историю страны знает плохо и политически неграмотна.

Мария Алексеевна Абрамова. Я непосредственно занимаюсь исследованиями по социокультурной адаптации молодежи, правда, не в Новосибирской области, а в

Якутии. Сейчас мы включили в программу исследований новый регион – Республику Хакасию. Основываясь на результатах конкретного исследования социокультурной адаптации молодежи в Республике Саха (Якутия), я бы предположила, что образ России, который описывается в отчете института социологии, и образ, который есть в сознании современной молодежи, – это разные вещи. Образ России конструируется. Например, есть партия «Единая Россия», которая занимается работой с молодежью. И в рамках проведения идеологической работы ею создается один образ страны. Этот образ транслируется на молодежь через людей, которые работают в этой программе. Другой образ создается нашими средствами массовой информации. Конечно, это своего рода тоже конструирование, и часто тема служит средством манипуляции сознания масс. Второй момент, который я бы хотела отметить, – это то, что по данным, которые мы получили, наша молодежь не интересуется политикой в той мере, в какой ей, может быть, следовало интересоваться. Часть молодежи вынуждена заниматься вопросами выживания, получения образования, поэтому тот образ, который сегодня транслируется средствами массовой информации, может быть, ею даже не совсем осознаваем. Поэтому я бы не соединяла вопрос о будущем России и оценку образа России молодежью, представленную в отчете института социологии РАН.

Людмила Алексеевна Осьюк. Сложившийся в последнее время негативный и непрезентабельный образ России и сомнения в ее нормальном развитии не могут не повлиять на то, что называется гражданской идентичностью молодежи. Настроения, господствующие в обществе, можно назвать противоречивыми, но один из яр-

ких мотивов – разочарование. Разочарование возникло уже некоторое время назад, сменив смутную надежду, и проявилось через апатию. По всей вероятности, причиной упаднических настроений в российском обществе является отсутствие национальной идеи и идеологии. Это значит: социокультурное пространство, или среда как условие формирования гражданской идентичности, – попросту отсутствует. Тем не менее образ России как «убогой, нищей, пьяной, необыкновенной, вечно переживающей кризис» сложился достаточно давно, но это не помешало ни одному поколению вырасти патриотами и проявить себя в жизни. Оптимизм, приписываемый обычно молодежи, как правило, можно наблюдать даже в самые тяжелые моменты развития общества, это связано с возрастными особенностями, а потому выглядит достаточно естественно. Такой естественный оптимизм (при всех поправках на критику, раздраженность в отношении политических событий и экономической ситуации) можно рассматривать в качестве фактора адаптации. Молодежь очень быстро реагирует на новые идеи и поддерживает их, хотя бы в пику старому консервативному образу жизни.

О.А. Донских. Я правильно понял, что, иначе говоря, тот образ России, который существует, существует отдельно от тех, скажем, жизненных задач, каких-то стремлений, которые характерны для этой социальной группы? Ну, собственно, может, и для любой другой, но в данном случае мы говорим о молодежи, т.е. это не является существенной частью представлений молодежи о самой себе, которая определяет ее идентичность.

Л.А. Осьюк. Данные приведенного социологического обследования не нужно сбрасывать со счетов, но, тем не менее, та-

кое исследование не является репрезентативным. Тем более что данные приведенного исследования могут свидетельствовать о существовании некоторых стереотипов, рожденных в результате чтения учебников и общения со СМИ, но не отражать поколенческую идентичность. Социальная идентичность поколения включает в себя представления не только о прошлом, но еще и настоящем, и будущем. Так, на формирование идентичности современного поколения молодежи оказывает большое влияние глобализация и скорость развития общества, рождающая ситуации неопределенности. Представляется, что молодежь ощущает себя находящейся в несущемся автомобиле: все мелькает за окном. Поэтому идентичность в ряде случаев просто не успевает сформироваться. Возникает проблема: мало того, что багаж прошлого молодежи (судя по исследованию) представляет некий «бардак», но и будущее также неопределенно.

О.А. Донских. Это мне напоминает анекдот про Леонида Ильича, что мы живем, как в такси: чем дальше, тем дороже. Только повернутом к идентичности.

Анатолий Михайлович Аблажей. Олег Альбертович, мне хотелось бы сделать небольшое уточнение. Коллега говорила о специфике формирования общественного сознания молодежи. Так вот, я уверен, что тот образ мыслей, который характерен сегодня для среднестатистического представителя российской молодежи, почерпнут отнюдь не из учебников, потому что учебников они не читают. Мне кажется, здесь стоило бы говорить о первичной роли массовой культуры – телевидения и Интернета, прежде всего, нового вида общения и формирования молодежных субкультур: социальных сетей («Facebook»,

«В контакте» и пр.). Именно благодаря этим источникам информации у молодежи и формируется свой, специфический, образ действительности. А что это за образ и почему он именно такой – нам, нашему поколению, понять уже достаточно сложно.

О.А. Донских. Я бы согласился с последним моментом вот в каком отношении. У них какое-то «клиповое» мышление, кусочками. Истории они не знают совсем. По крайней мере, из вопросов студентам это становится совершенно очевидным, я знаю два вуза – нархоз и университет, ну, еще педуниверситет в какой-то степени. И я согласился бы с тем, что не из учебников, потому что есть очень характерный момент, касающийся восприятия Сталина. Что говорили всегда пенсионеры про Сталина? Что при нем снижали цены и при нем была дисциплина. Вот это приклеилось совершенно железно. Я не хочу углубляться сейчас в этот вопрос, но один момент мне хотелось бы зафиксировать. Это то, что, может быть, касается вообще проблемы идентичности, что она не выстраивается как нечто цельное, она складывается применительно к обстоятельствам. В разных условиях у людей складываются какие-то разные представления и нет общего представления, которое объединяло бы вот это все. Если я правильно понял то, о чем здесь говорили наши социологи, то можно вот так сказать. Само понятие идентичности, конечно, здесь бы стоило определить. Либо это что-то единое, либо это способ адаптации к разным условиям, который не может быть представлен как нечто единое.

Л.А. Осьмук. Сложность нашей дискуссии, видимо, еще и в том, что мы сразу не определились в понятиях. Идентичность поколений – феномен сложный, он включает в себя как идентичность времен-

ную, так и пространственную. И в социологии, и в психологии понятие идентичности поколений практически отсутствует, больше изучена пространственная идентичность, с временной также не все понятно. Но как сама молодежь ощущает и выделяет себя как возрастную группу? Оказывается, ей нельзя отказать в отсутствии этого чувства. Совсем недавно мы со студентами обсуждали проблему агрессивности молодежи. Сами студенты пришли к выводу, что предыдущее поколение, социализация которого пришлось на 1990-е годы (старшие классы общеобразовательной школы), было намного агрессивнее, что проявлялось через постоянные драки, жесткое обращение, грубость в отношении учителей и др. В качестве важного аргумента приводились факты драк между девочками. Мы попытались найти объяснение, почему нынешнее поколение 17–18-летних более спокойное. С точки зрения студентов, причина – в стабильности, которая позитивно влияет на выбор жизненных стратегий. Таким образом, стабильность, основывающаяся на традициях, восстановление социокультурной среды способствуют идентичности поколений и оздоровлению как механизмов социализации и формирования поколений, так и самого поколения.

Владимир Васильевич Глинский. Олег Альбертович, можно мне сказать по результатам этой периодизации? Социологи опрашивали одну и ту же группу людей по приведенным вопросам и получали такие ответы, т.е. периодизация сделана именно на основании ответов вот этой группы людей?

О.А. Донских. Там более сложный был процесс, более сложное исследование.

В.В. Глинский. С моей точки зрения, здесь берутся и смешиваются совершенно

несопоставимые вещи. Скажем, если молодой человек высказывается по поводу Сталина, то это, скорее всего, не его представления, а представления, скажем, семейные. Если взять еще более ранний период, тогда это, скажем, учебники. Хорошие или плохие, какие бы ни существовали. Но единственное, что заслуживает внимания, если это, действительно, было нормально проведенное обследование, касается периода 1990-х годов, где у них есть собственные представления. Только последний период. А если мы хотим реально знать ситуацию, реально знать отношение молодежи к своему времени, к своей власти и к своему государству, может быть, есть смысл посчитать вообще какие-то совершенно другие параметры. Например, число ехавших на БАМ, еще что-то – совершенно другие параметры, по которым мы можем сказать, как та молодежь относилась к той или иной власти и государству. Потому что я начал даже препарировать на себе, знаете, я уже сколько властей пережил, живу все время в одном государстве, к России отношусь нормально, спокойно, положительно, а вообще власть ни одну не любил, если честно.

О.А. Донских. Ну это понятно: как там у Мандельштама – В Европе холодно. / В Италии темно. / Власть отвратительна, / Как руки брэдоброя.

Я понимаю вашу точку зрения, но здесь все же есть важный момент, связанный с отношением к стране. Действительно, формирующееся мнение вторично – ну, не учебники так учителя играют в этом какую-то роль, но оно имеет значение. Хотя понятно, что по-разному можно к этому относиться. В любом случае мы имеем дело с набором образов страны, которые есть у современного поколения.

Пожалуйста, я бы попросил, если есть по этому вопросу какие-то мнения, высказаться.

Лев Леонидович Штуден. Для меня некоторые вопросы, поставленные здесь, представляются не имеющими смысла. Что такое идентичность молодежи? Смысл можно было бы найти, если молодежь в чем-то едина. А этого нет. Этого нет, более того, это может быть только в одном случае: если молодежь воспитана в духе гитлерюгенда, скажем. Или в духе пионерии 1930-х годов, и так далее. Только внешний идеологический каркас, который плотно сбивает и формирует тип сознания, – позволяет говорить, что молодежь единым образом себя позиционирует. Мне кажется, надо в первую очередь рассматривать условия, в которых воспитывается молодежь. А сегодня эти условия таковы, что их воспитывает, в основном, Интернет. Я отвечаю за свои слова на 100 %, потому что опыт общения со студентами и со школьниками говорит о том, что книг они сегодня не читают, за исключением тех, что нужны по школьной программе, и то это не всегда и не полностью. Они даже, – ну, это слава Богу, – не очень-то смотрят и телевизор. Интернет занимает львиную долю их свободного времени, но Интернет это, извините, на 70 % просто помойка. Кроме того, конечно, Интернет – это действительно великолепная возможность найти ценную информацию, но надо стремиться к этой ценной информации для того, чтобы ее искать. Приходится их обучать тому, как обращаться с Интернетом, чтобы, во-первых, они не тратили попусту время и, во-вторых, могли бы бережно относиться к своему сознанию.

Второе. Последние 15 лет пристального наблюдения за студентами, – я ведь преподаю

культурологию, художественную культуру, религиоведение, – происходит интересная эволюция. Где-то в середине 90-х – активный интерес к религии, в частности, к православию. Последнее время этот интерес свелся практически к нулю. Далее. Вот они делают доклады на семинарах, скажем, на тему Средневековья. Что их интересует в первую очередь? Инквизиция, пытки. Что их интересует в первую очередь в культуре Древнего Египта? Бальзамирование. Как и что бальзамировщики могли вытаскивать из людей. Одна девочка нашла в Интернете сайт испанского музея пыток и подробно стала повествовать, что она оттуда почерпнула. Реакция аудитории: ха-ха-ха, хи-хи-хи. Для них это забавно, – как они говорят, «прикольно» – и не более того! Вот когда наблюдения такого рода накапливаются, у меня очень тревожные ощущения возникают, особенно в связи с событиями 11 декабря на Манежной площади – все знают, да? А в «Новой газете», в сегодняшнем номере, подробно описывается, как та же самая молодежь идет на станцию метро, выхватывают выходящих из вагонов, кто там «черный», чья морда не понравилась, кто похож на кавказцев, и начинают избивать прямо здесь же, на полу станции. У меня впечатление такое, что в мультикультурном обществе, а у нас оно такое сейчас и есть, не может быть в принципе какого-то единого самосознания у молодежи. Многие из них весьма подвержены идеологическим штампам, которые, конечно, навязывают взрослые дяди. Молодежь сейчас в таком неустойчивом состоянии, что, если вдруг появится лидер, который провозгласит какие-то заманчивые лозунги, и возникнет некая тотальная идеология, аналогичная, допустим, тому же нацизму, очень многие на этот крючок попадутся.

Наталья Леонидовна Чубыкина. Хотелось бы возразить в связи с результатами исследований института социологии по поводу того, что опыт личный в том комплексе опыта, который исследовался у молодежи, незначительный. Я думаю, что это ситуация неизбежная, если мы исследуем молодежь, то 80–90 % усвоенных представлений становятся личными представлениями, не получены при этом из личного опыта. Но это естественная картинка на любом историческом этапе развития общества. Старшее поколение закладывает в молодое многие представления на уровне суждений, на уровне стереотипов восприятия, идеологических лозунгов. И сейчас, и 100 лет назад формирование личности происходит в обществе, и не стоит недооценивать влияние старшего поколения на содержание представлений младшего, Интернет – все же, скорее, средство. В этом смысле, мне кажется, актуален вопрос: как отделить молодежь от остального общества? Мы рассматриваем проблему самоидентификации молодежи, но как при этом быть с самоидентификацией общества в целом? Было бы хорошо иметь картинку либо по обществу в целом, либо по «немолодежи» отдельно. Например, молодежи полагается быть более оптимистичной хотя бы в силу психофизиологических причин, естественного запаса жизненных сил. Но что если дальше этого различия не идут?

Рассматриваемые исторические периоды выделены по околополитическим маркерам, если можно так сказать. Периоды того или иного правления: хрущевское, брежневское, горбачевское, ельцинское, путинское и т.д., заданы. По этим периодам в обществе сложилось уже какое-то усредненное представление. А почему у молодежи ожидается другое представление, от-

личное от «среднего по обществу»? Национальная идентичность, которая заставляет молодежь осознавать себя жителями России, по-моему, значительно превосходит специфическую молодежную, если таковая существует.

Теперь вот по национальной идентичности. В настоящее время в рамках медведевских мега-грантов начался социологический исследовательский проект на 150 млн долларов. Проектом руководит профессор Мичиганского университета Рональд Инглхарт. Он же является руководителем многолетнего проекта по изучению ценностей в разных странах и регионах мира World Values Survey. В нашей стране этот проект начался не позже начала 1980-х. В частности, очень интересные данные есть по уровню пессимизма населения. Выяснено, что пессимизм и уныние не связаны напрямую с уровнем благосостояния, материальной обеспеченностью населения. В развитых странах, например, уровень оптимизма не возрастает после достижения определенного уровня благосостояния, и показатели пессимизма/оптимизма остаются при этом достаточно стабильными. Можно выделить страны более благополучные по показателям пессимизма и менее благополучные. Конечно, страны бедные являются и более пессимистичными, в среднем, по сравнению с группой богатых, экономически развитых стран. Но вот Россия по показателям пессимизма соответствует Ираку и Нигерии, а по благосостоянию далеко эти страны превосходит. Ссылаться на «лихие 90-е» не вполне корректно, так исследование, начавшееся в 1981 году в Тамбовской области, которую выбрали как типичный российский регион, сразу выявило высокий уровень пессимизма населения. С 1980-х, это 30 лет, разные политические режимы,

полтора поколения. Пусть молодежь более оптимистична, но где ее влияние на картину в целом? Становясь взрослыми, молодые воспроизводят уровень общественного пессимизма. Ну, и вывод: по-видимому, национальная самоидентификация перекрывает молодежную, во всяком в случае, в каких-то значимых для общества вещах. В таком случае ответ на вопрос, сможет ли молодежь сама по себе привести нашу страну к процветанию, очевиден. Без изменения общественной ситуации, без существенных политических и социальных подвижек нынешнее поколение молодежи повторит наш путь, если общественный запас прочности и внешние условия дадут стране такую возможность.

Кстати, Игхарт считает, что для изменения тенденции нам нужны свобода выбора и сокращение неравенства. Все довольно очевидно.

А.А. Осьюк. Идентичность – сопоставление, или сравнение, себя с аналогичными объектами для того, чтобы понять, кто такой Я или кто такие Мы. Идентичность поколений нельзя отрицать хотя бы потому, что такая возрастная группа, как поколение, все же есть. Если механизм идентификации – социальное сравнение, то в случае с поколенческой идентичностью одна возрастная группа будет сравнивать себя с другими возрастными группами. Социальное сравнение порождает эффект интруппового фаворитизма, когда одна группа декларирует свое преимущество и «особость» по сравнению с другими. В современном российском обществе ощущение целостности поколения молодежи нарушается излишней дифференцированностью, ножницы между бедными и богатыми делают проблему социального сравнения очень острой и запутанной.

Поэтому, помимо идентичности молодого поколения, надо говорить еще и об идентичности субкультур внутри молодежи как социальной группы. Например, идентичность студенческой молодежи, молодежи, которая учится в ПТУ, в школе, «клубной» молодежи и др.

О.А. Донских. Не случайно с самого начала при подготовке круглого стола я ставил вопрос о том, насколько цельной является молодежь как социальная группа. Потому что в действительности мы же выделяем молодежь, это тоже не случайно. Просто в силу определенного возраста у людей есть черты, которые их объединяют, как скажем, неизвестность того, что с ними произойдет. Как реализуются ожидания, надежды. В общем-то, есть какие-то вещи, которые объединяют молодежь вузовскую и молодежь ПТУ. Они совпадают, потому что дружат, любят, нужно создавать семью, как-то устраиваться, и это их отличает как-то от следующих поколений. А то, что острое чувство поколений существует, для меня символом является стихотворение Тютчева. У него в «Бессоннице» есть такие строки: «И новое младое племя / Уже на солнце расцвело, / А нас, друзья, и наше время / Давно забвеньем занесло».

Но он это написал в 26 лет. Понятно было бы, когда ему было б семьдесят, а здесь ... Но все-таки момент, который объединяет, он есть. Другое дело, что молодежь очень расколота сейчас: провинциальная – столичная; те, кто, допустим, имеет возможность ездить, и те, кто вообще никуда не выезжал, оставался в пределах своего города или деревушки. Это совершенно разное сознание. Понятно, что здесь необходимо более детальное исследование. Но хотелось бы, чтобы мы сосредоточились на

ключевых вопросах, принципиальных. Пожалуйста, Нина Ильинична.

Н.И. Макарова. Мне кажется, что было бы неплохо пригласить на обсуждение молодых людей.

О.А. Донских. Их приглашали. Еще им будут отправлены запросы о комментариях по теме. И на эти вопросы они так или иначе ответят.

Н.И. А я хочу сказать, что мне молодых людей, живущих сегодня в России, жалко. Почему жалко? Потому что, говорим ли мы о монолитной или немонолитной группе, у молодых должно быть будущее. А вот для меня, например, их будущее под большим вопросом. Первое, давайте посмотрим на их возможности. У нас большинство населения живет бедно, и уровень жизни все время ухудшается. Это детство, связанное с недоеданием, с плохим медицинским обслуживанием, с недостаточным образованием, так как в сельской местности, например, школы закрываются. Проблематичным становится получение высшего образования, так как с каждым годом растет в вузах плата за обучение. У нас много неполных семей, где только мама работает и на ней лежит воспитание и образование детей. Для таких матерей платить десятки тысяч в год за обучение в вузе тяжело, часто непосильно. Все вместе взятое ведет к еще большему расслоению общества, к тому, что социальная мобильность, которая должна быть в здоровой стране, в нашем государстве резко снижена.

Особенно тревожат проблемы с образованием. Образование у нас хромает по многим причинам, но основная – это то, что молодые люди не видят прямой зависимости между приобретением знаний и возможностью иметь хорошо оплачиваемую и перспективную в отношении карьерно-

го роста работу. У нас очень часто не квалификация специалиста, а другие факторы, такие как связи и деньги, влияют на возможность иметь желаемую работу.

Посмотрим на возможности молодых в реализации их стремления иметь свой дом и свою семью. Сколько сейчас зарабатывают специалисты по окончании вуза? Большинство зарабатывает столько, сколько хватает лишь на сегодняшний день. Купить жилье, иметь детей многим просто не по карману. Поэтому мне кажется, что то уныние, о котором говорилось, вполне обоснованно. Если государство думает о будущем, то ему нужно кардинально менять политику по отношению к молодежи.

А.М. Аблажей. Я хочу немного поdiskutировать со Львом Леонидовичем, который говорил о том, что молодежь сидит в Интернете, ищет там неизвестно что. Я с этим не совсем соглашусь, потому что главная функция, главное назначение, главное ценность того, что мы называем обобщающим термином Интернет, для молодежи в первую очередь – это все-таки общение. В современных условиях для многих молодых людей общение в привычном смысле (имеется в виду где-то собраться или потусить – есть такое модное слово, хотя оно мне страшно не нравится) – не всегда доступно и комфортно. Для очень многих людей, которые не имеют опыта и практики такого вот непосредственного общения, виртуальное общение – замечательный выход из положения. Оно ценно, прежде всего, тем, что позволяет сохранить вот эту внутреннюю «самость» человека. Он в свой внутренний мир пускает строго ограниченный круг людей, т.е. только тех, кто ему нравится, всегда выбирая, с кем общаться. С другой стороны, интернет-общение – идеальный способ формирования группо-

вых идентичностей, субкультур в том числе, а скорее, даже в первую очередь. Потому что как одеваются эмо, какие прически носят скинхеды и какие лозунги кричат спартаковские фанаты – привычными нам способами узнать невозможно, потому что по телевизору этого не показывают. Как я могу это узнать? Захожу в Интернет – и вот вам пожалуйста: эмо собираются там-то, одеваются так-то. Идут постоянные обсуждения: как одеться, куда пойти и так далее. Я повторюсь: в этом смысле определяющим понятием становится термин «социальные сети». Буквально только что вышел американский фильм, который так и называется, «Социальная сеть». Марк Цукерберг создал Facebook, прошло шесть лет и число пользователей сейчас почти шестьсот миллионов человек. Это гигантская цифра! В России социальные сети – очень популярная штука. Ведь они для многих людей действительно заменяют нормальное, с нашей точки зрения, общение. Помните бешеную популярность такого сайта, как «Одноклассники». Все сидели в «Одноклассниках», как сейчас все сидят «В контакте». Создаются групповые идентичности, идет интенсивное общение. С одной стороны, формируются групповые идентичности, субкультуры, с другой стороны – есть возможность быстро мобилизовать большую группу людей на те или иные действия. Тот самый флэшмоб, например. Ведь понятно, что, когда люди пришли на Манежную площадь, никто никого не обзванивал, в лучшем случае SMS разошлись. Они просто зашли в Интернет, в «В контакте», в свой профиль и прочитали: фанаты «Спартака» собираются в 11 часов в субботу на Манежной площади протестовать против смерти Егора Свиридова. И все, мы получили то, что получили. Это первое.

И второе – по поводу идеологии. Здесь я хочу сослаться на мнение моей замечательной коллеги, самого, наверное, крупного специалиста в России по социологии молодежи – Елены Омельченко из Ульяновска, исследовательский центр «Регион». Так вот, она считает, и я с ней согласен, что так называемой политически активной молодежи – условно говоря, «Наши» или «Молодая гвардия», которые встречаются с президентом или премьер-министром и благоственно о чем-то рассуждают, так вот их, таких молодых людей, а точнее – молодых карьеристов, максимум 3–4 процента, вместе с левыми, радикалами и пр. Все остальное – это политически апатичная молодежь, которой глубоко наплевать на то, что говорят эти самые политики, для которой главное – это ценность общения, создание этой самой групповой идентичности. И надо смотреть, что, собственно, их объединяет в социальные сети, к чему они стремятся, откуда у них это разочарование в современной жизни.

Кстати говоря, я бы не стал к тому, что происходило 11 декабря в Москве, относиться на 100 % отрицательно. Поговорите с москвичами, ростовчанами, астраханцами, они вам расскажут, что такое этнотанцы. Очень многие участники событий на Манежной, я уверен, скажут, что их выступление было просто ответом на эти самые этнотанцы, на ту показную идентичность, которую демонстрируют выходцы из кавказских республик. Там уже идет не просто культурное противостояние, а идет борьба за доминирование той или иной культуры: условно русской, условно южной, условно кавказской, условно исламской, если угодно.

О.А. Донских. У меня просьба: давайте не будем уходить в политику, потому что

это легко сделать в этой ситуации. Я считаю, что это колоссальный провал нашей национальной политики, который можно было легко предвидеть.

А.А. Штуден. То, о чем Вы говорите, имеет место, я с этим не спорю. Но вот другое дело, каков результат этих контактов? Человек с кавказской внешностью выходит из вагона метро, его хватается толпа, бросает на пол и начинает бить ногами. Если это и есть результат отмеченных Вами «сетевых общений», то извините. Над этим стоит думать.

Ну, а то, что Вы сказали по поводу «позиции молодежи», мне все-таки кажется, что нет у нее общей позиции. А движение «Наши», другая путинская молодежь – 3 % или 1,5 %, не имеет значения, – это всего лишь маскарад, декорации. Это все не настоящее. Нас же все-таки интересует, что из этого всего реально получится.

В.В. Глинский. У меня предложение вычеркнуть этот вопрос из обсуждения, потому что мы здесь далеко можем зайти. Нам понятна Ваша точка зрения, и что тут обсуждать?

О.А. Донских. Я бы хотел сказать, как вижу дальнейшее обсуждение. Сейчас мы завершим этот начатый вопрос, а потом мне бы хотелось рассмотреть еще один серьезный вопрос. И потом поговорим о том, что, может быть, необходимо делать. Прошу Вас.

М.А. Абрамова. Вот что накопилось по мере выступлений. К вопросу уныния. По результатам опроса учащейся молодежи в Республике Саха (Якутия) можно сказать, что у нее на самом деле очень оптимистичный взгляд относительно своего будущего. Более 80 % опрошенных однозначно считает, что их ждет хорошее или даже прекрасное будущее (по пятибалльной шкале). Поэтому, я думаю, что печальные перспекти-

вы будущего – это скорее взгляд взрослых, когда они оценивают все проблемы, с которыми приходится молодежи сталкиваться. Молодежь, может быть, не до конца оценивает ту ситуацию, в которой она оказалась, и это ее спасает от пессимизма. Т.е. оптимизм, я бы сказала, молодежи все-таки присутствует в большей степени, нежели взрослой части населения. Отчасти присутствие пессимизма в восприятии может быть оправдано особенностями формирования менталитета россиянина. Ведь не зря же Русь еще в древнем Китае называли страной вечных неожиданностей, сожалений и затягивания перемен – «Э-го». Есть какие-то характерные черты в культуре нашей страны, которые, не смотря на смену эпох, продолжают свое существование и обуславливают формирование мировоззрения россиян, отношение людей к проблемам, к ситуации, в которой они находятся.

Но я все-таки хотела бы немного выступить в защиту нашей молодежи. Я преподаю в Новосибирской государственной архитектурно-художественной академии и могу отметить, что с каждым годом молодежь становится социально ответственной. В прошлом году одна из наших студенток подготовила проект дизайнерского оформления полного комплекта для обучения слабовидящих и незрячих детей на основе азбуки Брайля. Второй студент подготовил очень хороший учебник по дизайну для старших классов общеобразовательных школ, который сейчас уже используется в учебном процессе. Также одна из дипломных работ студентов была посвящена разработке мебели для лежачих больных. Причем работы были высокого уровня, видно, что студенты выполняли их не только и не ради получения оценки, это реализация их потребности в социаль-

ной активности, они, таким образом, вносят свой вклад в развитие общества. Поэтому я думаю, что молодежь разная, и здесь (спасибо Людмиле Алексеевне, что она навела меня на эту мысль) нужно говорить не о «Я-идентификации», не о самоидентификации, а о проблеме формирования «Я-концепции». «Я-концепция» отображает сложность, многогранность каждого человека, позволяя соединить те социальные роли, в которых мы вынуждены в течение дня, в течение жизни выступать. Чтобы понять эти социальные роли, выстроить свою «Я-концепцию», которая бы позволила человеку выстраивать взаимодействие с окружающим миром не на основе условных рефлексов, а на основе осознанного поведения, нужно развивать рефлексивное мышление. У нас в России не принято применять на уроках в школах упражнения по выявлению этих «я-идентификаций». Например, наша коллега, которая некоторое время работала в Канаде и обучала там своего ребенка в детском садике, столкнулась с ситуацией, когда ей ребенок принес из детского сада листочек, на котором в центре была нарисована сама девочка. Дальше она должна была написать те группы, к которым она имеет отношение: «мои близкие», «мои друзья», «моя культура» и т.д. С детского сада у ребенка развивают рефлексивное мышление, он учится различать свои эмоции, выявлять свою точку зрения, определять свои роли, позицию, свое отношение, таким образом, формируется его мировоззрение. Это структурирование сознания. Поэтому, когда мы говорим о молодежи, что она не может себя идентифицировать (а по вопросам мы действительно видим, что есть проблемы межэтнической самоидентификации, гражданской самоидентификации), необходимо начинать с системы образования. Но это не значит, что у молодежи нет «Я-концепции», она просто неотрефлексирована, а это очень удобно для манипулирования сознанием.

Павел Дмитриевич Муратов. С конца 1960-х годов у нас в Союзе художников началось активное молодежное движение. Началось оно, кажется, Всесоюзным семинаром молодых художников. При всех творческих организациях от Москвы до самых до окраин возникли молодежные объединения. Очень широко разлились молодежные выставки разных рангов, от персональных до республиканских и всесоюзных. Выставки сопровождались обсуждениями и конференциями тоже разных рангов, от городских до всесоюзных, до специальной сессии Академии художеств. В Сибири прошли две Всесибирские молодежные выставки, обе в Омске, в 1973 и в 1978 годах. Конференции в связи с этими выставками. Но к 1980-м годам и в 1980-х заговорили там и сям, на разных уровнях о том, что в таком выделении молодежных групп из среды художников есть какая-то искусственность. Возрастная граница молодых – 35 лет. Но Федор Васильев умер в 23 года, Обри Бердслей в 26, Михаил Лермонтов в 27, Амрита Шер-Гил в 29. Едва вышли из молодежного возраста в 35 лет Рафаэль и Ван Гог. Может быть, и нет этого специального молодежного искусства, а есть просто искусство, и каждый художник по мере своих сил в нем работает? Конечно, молодость в искусстве не исчезла, но основная тематика в этом вопросе перешла на другую стезю, на становление художника, на образование, на методику преподавания, на характер ответа тех, кто учится. В этой части картина получается как бы и беспроблемная, потому что молодежь в те годы, 1970-е, об-

учаясь, училась. Бунтовщиков, которые почувствовали: я – молодой, потому раззудись плечо, было очень мало. Да и сейчас близко к тому. Я буквально накануне круглого стола вернулся из Кемерово. Меня позвали в Кемеровское художественное училище. Я прошел по всем мастерским, посмотрел выставку, которая была у них развернута, пообщался с преподавателями и скажу: нет каких-либо крупных проблем преподавания, в сфере учитель – ученик. Я мог бы принести сюда каталог, недавно выпущенный в Новоалтайске. Художественное училище считается Барнаульским, а находится рядом, в Новоалтайске. Так вот, на удивление, ни одной работы, какой-нибудь экстравагантности каталог в себе не содержит. Новоалтайская молодежь организовала группу человек в двадцать. В этой группе некоторая часть студенты, большая часть – те, кто успел закончить училище. Возраст большей части – 25 лет. В то же время, мы знаем прекрасно, что есть в Новосибирске, в других городах «передовые люди». Но вот эти «передовые люди» – группы «Синие носы» или другие носы, количественно незначительны.

О.А. Донских. Павел Дмитриевич, основной тезис, все-таки, совпадает с оценкой предшествующих выступлений, что реально, если речь идет о молодежных настроениях радикальных, речь идет о 2–3 %. Они шумят громче, как пустая бочка.

П.Д. Муратов. Я хочу добавить. В те же 1970-е и 1980-е годы в Новосибирске прямо вот вспыхнула секция плаката. Может быть, это была единственная явственная черта тогдашнего молодежного движения. Коновод у них там был Мандриченко, ну а состав – не в именах дело. В настоящее время нет секции плаката в Новосибирске. Вообще плаката нет. Можно предположить, в

те годы выступали смело в общественном плане, протестуя, заявляя, так сказать. Сейчас – на здоровье, протестуй, сколько тебе хочется! Нет протеста. Есть сатира на личности. И плакат кончился.

А.А. Осьмук. Плакат протестный был?

П.Д. Муратов. Конечно! С внутренней темой, с международной.

О.А. Донских. Теперь мне хотелось бы, хотя бы немного, обсудить второй вопрос, о котором я упоминал в начале. Это роль молодежи в гражданском обществе. Частично он сегодня затрагивался, но хотелось бы отдельно мнения услышать. Объясню, почему. Дело в том, что я столкнулся с этим, проверяя работы ЕГЭ по обществознанию, мне приходится делать это ежегодно. Я могу смело говорить о некоей средней картине, поскольку мне приходится видеть сотни работ каждый год. Так, в прошлом году в Новосибирской области сдавало этот экзамен больше 10 тысяч человек, в этом году – больше 8 тысяч, какой-то достаточно большой срез есть. И я заметил, что вопросы, которые касаются гражданского общества, либо вообще остаются пустыми, на них не отвечают, либо отвечают на них совершенно по-детски, например, таким образом: стране нужен кормилец, если давать премии, то мы пойдем на выборы, надо привлекать к общественной работе деньгами, заинтересовывать. Все в каких-то детских выражениях, которые для одиннадцатиклассников как-то выглядят очень убого. С этим впечатлением совпадает социологический портрет молодежи, с которого мы начали сегодняшнее обсуждение. Там есть одна из таблиц, она показывает следующее. Вопрос о том, какой должна быть роль молодежи в государстве, речь уже не идет о самоидентификации исторической. Так вот, 50 % отвечают на этот вопрос, что власть

должна заботиться о молодежи, оказывать ей помощь во всем. Вторая позиция – это 36 % – ответила, что молодежь должна сотрудничать с властью на равных в решении своих проблем. Ну, мне кажется, что этот вопрос сформулирован невнятно: что значит *на равных сотрудничать*? Это мне не очень понятно. И единственная группа, которая от этого более или менее откристилась, те, кого можно считать самостоятельными, это та, которая указала, что молодежь должна иметь максимальную свободу от власти и иметь возможность самостоятельно решать свои проблемы, вот этих – 14,6 %. Соответственно, это настроение, по-видимому, является господствующим. И получается, что на этом фоне какие-то группы привлекаются для того, чтобы изображать сотрудничество с властью. Это на уровне: у нас есть ужасно смешная фигурка, молодежный мэр Новосибирска. Это какая-то смешная куколка, которая непонятно чем занимается. Известна практика теневых кабинетов, а молодежные правительства – совсем не понимаю. Но они, конечно, улыбаются очень нежно мэру и другим власть предержащим, но это уже другой вопрос.

Но если принять, что мои наблюдения отражают какую-то реальность, а при этом мы говорим, что хотим инновационного общества, то эти слова уже заведомо ничего не значат. Ведь если настроение такое, то никакого инновационного общества быть не может. Ведомые люди не будут создавать никаких новых возможностей. А инновации появляются только там, где много возможностей, где происходит какой-то перелом, происходит взрыв, и из этого дальше отбирается что-то. Повторяю, что это вещи очень связанные между собой. И вот вопрос в этом и состоит: есть ли моменты, которые позволили бы

с оптимизмом смотреть на формирование какого-то гражданского общества, гражданского сознания в действительности. Я считаю, что это, конечно, наследие очень серьезное нашего прошлого, включая советское, но об этом мы уже немного говорили. Возможно, что здесь этот вопрос уместно обратить к профессиональному политику, а у нас здесь единственный политик Владимир Яковлевич. Я думаю, что, так или иначе, Вы об этом думаете и работаете с этим постоянно.

Владимир Яковлевич Карпов. Я перейду, Олег Альбертович, к следующему вопросу, но и по предыдущему обсуждению у меня есть несколько мыслей. Хотел бы их высказать.

Прежде всего, оценка исследования, с которого Олег Альбертович начал. Наверное, можно раскритиковать его с научной точки зрения. Но то, что это исследование совсем уж неинформативно, я, как потребитель, не могу с этим согласиться. Более того, в некоторых выступлениях говорилось о том, что отношение взрослых, а тем более молодежи, к нашей истории формируется феноменами массового сознания и стереотипами. По-видимому, если бы нам предложили сейчас отвечать на вопросы анкеты, мы тоже попали бы в те проценты, которые представлены в опросе. Но меня заинтересовала другая сторона. Буквально сегодня в первой половине дня я встречался с нашими молодыми активистами. Мы открывали очередной учебный год в центре политического просвещения. И сейчас, слушая Олега Альбертовича, я представил, как ответили бы слушатели на анкету. Думаю, ответили бы примерно так же. Социология фиксирует в основном негативное, скептическое, насмешливое отношение к отмеченным периодам истории, сформи-

рованное массовым сознанием, стереотипами. Несомненно, оно бы выразилось в ответах слушателей центра. Когда речь идет о самоидентификации или я-концепции (я не очень понимаю тонкие различия этих научных понятий), то ребята говорят одно, а действуют совершенно противоположно. Несмотря на уничижительные характеристики некоторых сторон советского периода истории, они действуют диаметрально противоположно. Первое, молодые коммунисты достаточно многим рискуют. Между тем они очень активно участвуют во многих мероприятиях партии. Второе, если их прямо спросить, как они относятся к своей стране, даже не к Советскому Союзу, а к современной России, то обнаружится очень ярко выраженный патриотизм. И это несмотря на скептическое отношение и, может быть, где-то на сожаление, что живут в буржуазной стране. Они уверены, что с недостатками и с уродливыми явлениями жизни они обязательно справятся. Но еще удивительнее следующее. Когда Вы, Олег Альбертович, говорили о цельности, Вы, наверное, поставили вопрос о целостности восприятия и о цельности молодежной среды. Кажется, что она раздроблена на субкультуры, течения и прочее. Мне думается, это обманчивое восприятие. Поверхностно – да, а если посмотреть глубже, то не так уж и раздроблена. Я, опять же, сужу по сегодняшнему разговору на нашем занятии. Слушатели говорят, что надо, чтобы на наши занятия приходили молодые люди, которые придерживаются совершенно противоположных позиций. Они хотят с ними пообщаться, по diskutieren, поспорить, посмотреть, чья позиция наиболее убедительна. Т.е. потребность целостной среды отчетливо выражена. В том смысле, что не только мы су-

ществуем, как люди с правильными убеждениями. У них не сектантская психология. Они воспринимают других как наших людей и хотят понять, почему они придерживаются других взглядов. Т.е. целостность нашей молодежи, несмотря на кажущуюся раздробленность, имеет достаточно глубокие корни и она не распатана. Я сужу по нашим ребятам и по их стремлению к объединению.

Что касается формирования гражданского общества. По большому счету мы заплатили огромную цену за то, чтобы перейти на новую модель развития страны. Она появилась не только из происков врагов Советского Союза. Феномен заговора обсуждался, но мы не приняли эту версию, как ведущую. На самом деле, действовали объективные факторы развития. Необходимость прорыва в новое качество жизни. И прежде всего, ценности свободы. Они всегда были значимы, хотя ради спасения Родины советские люди могли соглашаться на ограничение своей свободы. Но это чувство никогда не умирало и никогда не умрет. Мы заплатили огромную цену, и сегодня формирование гражданского общества действительно является центральной проблемой. Общество сегодня находится в униженном положении, когда власть его не слышит или не хочет слышать, а устраивает такие псевдообщения, когда всем понятно, что они носят фальшивый характер. А нужно, чтобы слово общества было не просто весомым, а заставляло любую власть соответствующим образом действовать. Это идея самая главная. Мы говорим о молодежи, но не могу не сказать о взрослых. В марте исполняется три года, как действует особая организация – Оргкомитет ответственности Новосибирской области. В ней представлено шесть региональных отделе-

ний политических партий и около тридцати общественных организаций (в том числе молодежных). Весь идеологический спектр, кроме центра, кроме «Единой России». Что интересно с точки зрения целостности общества. Первый вопрос, который мы себе задавали три года назад: сможем ли мы выработать какую-то общую позицию, какой-то общий документ? Мы же все разные, начиная от демократов, которых в народе считают чуть ли не врагами, подкармливаемыми Западом, до самой правой, или левой части, если хотите. Мы провели восемь слушаний по очень острым вопросам. Споры горячие. Мы нередко по четыре-пять раз переписываем проекты наших резолюций. Но не было ни одного случая, когда бы мы не нашли общих позиций. Причем, от своих идеологических представлений никто не отказался. Эти расхождения, различия сохраняются. А что позволяло выходить на совместные резолюции? Каждый участник общественных слушаний понимал: заявить, выступая на общественных слушаниях, ты можешь многое, выражая в радикальной форме свои взгляды, но момент истины наступает на стадии реализации резолюции. Консолидирующее влияние среды и объективных условий выражается в том, что помогает формулировать не фантазийные предложения, а пригодные для практических дел. Если кто-то считает, что гражданское общество сформирует власть, то это заблуждение. Власти это не нужно, это ей опасно, по крайней мере, в том «вертикальном» варианте, в котором она сегодня существует. Это должно и может сделать только само общество. Центральная задача ученых, людей, занимающихся публичной общественной деятельностью, — как гвоздь вбить эту доминантную идею в сознание значительной части общества и, прежде

всего, молодежи. Прежде всего, молодежи, которая очень восприимчива сейчас в силу своего возраста.

Н.И. Макарова. Сколько примерно в вашей организации молодых активных членов? Я имею в виду — новосибирской.

В.Я. Карпов. У нас небольшая партийная организация, где-то около 2000 человек. Примерно 15 % — молодежь. Мы пока не можем переломить негативную тенденцию. Но практически вся наша молодежь — это либо те, кто имеет высшее образование, либо те, кто учится.

В.В. Глинский. А сколько было с РСДРП, когда они создавались? Человек пятьдесят, наверное?

О.А. Донских. Их было 9, насколько я помню, на I съезде РСДРП в Минске.

В.В. Глинский. И вот как-то они не смущались, что их мало! А сейчас: число мало, весу мало.

В.Я. Карпов. А как воспринимали себя большевики? Я не знаю, по каким источникам Вы судите. А я читал резолюции и дискуссии, которые были в партии большевиков. И какие там были сожаления и опасения — поверьте, примерно такие же, как у сегодняшних коммунистов. Это потом картинку нарисовали: могучая кучка, стальные, железные... А большевики были живыми, сомневающимися людьми.

В.В. Глинский. По поводу гражданского общества и молодежи. В чем мне, конкретному человеку, сложно с философами общаться? Нет каких-то определенных категорий и понятий: давайте остановимся на чем-то, позиционируемся, потом пойдем дальше. По поводу гражданского общества. Честно говоря, я с трудом понимаю, что под этим подразумевается. Но могу так сказать: если под гражданским обществом подразумеваются кухонные варианты об-

суждения политических проблем, которые перешли с шестидесятников, потом какое-то время эти кухонные варианты реализовались даже в смене власти, в каком-то десятилетнем правлении в российской действительности, то тогда это одно. Я вот воспринимаю гражданское общество, когда с бабушками «Трудовая Москва» или что-то такое. Это с одной стороны. Все время пытается от имени гражданского общества выступить барнаулец Рыжков, который двадцать пять партий поменял. Или бывший премьер Касьянов, или Каспаров, и так далее. Вот это я даже обсуждать не хочу. В то же время понятно, что среднее и старшее поколение в принципе не способно создать никакое общество. Оно может только обсуждать возможности его создания, развития. Но, с другой стороны, если смотреть на события последних двух лет – а, может, и десяти лет, – совершенно очевидно, что в России происходит такая вещь, что как бы мы все сидим вместо воды в закрытом котле. И какие могут быть варианты развития? Если крышку давить, то либо будет взрыв, либо все затухнет. И, видимо, не только теоретики начинают это понимать, но и начинают понимать те люди, которые связывают свое будущее с этой страной, с нашей страной. Это молодежь. И вот последние два года я наблюдаю такие моменты, которые можно по-разному оценивать, но гражданское общество может и проявляется в этих «Синих ведерках». Вот, кстати, выступление на Манежной площади – это ведь тоже проявление гражданского общества. Просто наша молодежь, в отличие от нас, не так толерантна, что может терпеть коррупцию, взятки, беспредел, засилье в милицеских, прокурорских органах приезжих и так далее. В конечном итоге вылилось это вот так. Поэтому в принципе я связы-

ваю гражданское общество только с молодежью.

О.А. Донских. Философы говорят о невнятном и часто с помощью неточных терминов, но они говорят об этом, чтобы это стало точным и конкретным. Когда определенная область становится внятной и четко очерченной, она превращается в поле деятельности науки, ученых. Это обязательная функция философии.

Я хочу привести один пример действий гражданского общества. Это один эпизод, который я наблюдал в Австралии, благодаря одной знакомой, о которой я написал книжку. Речь идет о Нине Михайловне Кристесен. А ситуация была такая. В большом микрорайоне города Мельбурна (эта административная единица называется по-английски suburb), в Элтаме, где жили известные писатели, и этот район с легкой руки Нины Михайловны называли австралийским Переделкино, был главой администрации ставленник практически всемогущего премьера Виктории. А жители очень не хотели, чтобы он прошел на очередных выборах. В результате они устроили там такую кампанию, что дважды приезжал этот самый премьер штата Виктория, человек очень харизматический, но его ставленник так и не прошел. Т.е. они организовались, они знали, как действовать, они знали, чего хотят, и они провели своего кандидата. Вот, пожалуйста, это некое сообщество, которое сорганизовалось на тот момент, когда почувствовало опасность, оно приобрело некоторое политическое значение, но оно не было властью. Кампания прошла, и дальше это объединение было не нужно, потому что они не собирались заниматься какой-то партийной деятельностью, но, когда было необходимо, они четко реализовали свой инте-

рес. Это была самоорганизация, как и у нас происходит иногда, например, когда одна женщина организовала протест против застройки Бородинского поля. И это совершенно точно не власть, а именно гражданское общество, они не боролись за власть и не занимались политикой. Политика – это ведь всегда вопрос о власти.

М.А. Абрамова. Хотелось бы добавить к Вашему примеру. Мы весной были в Оксфорде и с нашим коллегой, который там проходил обучение, обсуждали отличия в системах воспитания России и Англии. Говорили о том, что в России система воспитания детей изначально подразумевает, что существуют определенные нормы поведения, которым нужно соответствовать. Ребенку с детства говорят: «Это нельзя! Это можно. Это нельзя!». Тем не менее, ребенок вырастает и его невозможно остановить, потому что он делает все, что хочет. Наблюдая за англичанами, мы видели, что с ребенком с самого раннего возраста общаются как с взрослым человеком: «Да – ты можешь так сделать. Ты можешь кричать, но ты подумай, нужно ли это. Ведь ты будешь мешать окружающим». Т.е. слова: «нет», «нельзя» – редко присутствуют в разговоре. Создается ощущение, что конкретные модели поведения не прописаны. Но такая форма воспитания учит человека с детства понимать, что есть его права, его свобода. И он может их реализовать, но есть права и свобода другого человека, который находится рядом. И если при реализации своих прав, ребенок нарушает права и свободу другого, то в дальнейшем кто-то может также отнестись и к его правам и его свободе. Так вот, если мы говорим о гражданском обществе, то, к сожалению, мне кажется, что пока у нас в культуре не формируется такое же отношение к правам и сво-

боду человека, независимо от возраста, наоборот, о гражданском обществе говорить очень сложно. Поэтому, если мы говорим о молодежи, то молодежь должна формироваться в том обществе, в котором уважают права и свободы каждого.

О.А. Донских. Но поскольку у нас не уважаются, то перспективы нет. Позиция понятна.

Татьяна Александровна Ромм. На мой взгляд, в обсуждении проблемы видятся две стороны. Во-первых, может ли молодежь (как социальная группа) быть ресурсом для развития гражданского общества и, во-вторых, есть ли у самой молодежи ресурс (и какой), чтобы способствовать развитию гражданского общества. (Хотя, может быть, с позиций гуманистического подхода постановка вопроса несколько некорректна: «молодежь для общества».) Да, молодежь может быть и потенциалом развития гражданского общества, и у нее есть ресурс для этого. И главное в этом ресурсе – присущая данному возрасту потребность молодых людей в социальном самоопределении и самоутверждении. Реализация этой потребности становится содержанием процесса взросления. Переживание возрастного кризиса в молодом возрасте неразрывно связано с удовлетворением объективной потребности каждого молодого человека в социальной активности, причем, хочу подчеркнуть: социально-позитивной активности. Что бы ни говорили об анти-социальных или асоциальных проявлениях действий молодежи, изначально молодому человеку хочется быть взрослым, которого уважают, принимают в обществе, прислушиваются к его мнению, учитывают его пожелания и т.д. Другое дело, если он не находит ответа на свое предложение, не видит положительной ответной реакции

со стороны общества, то он начинает искать способы и сферы приложения своей активности самостоятельно. И часто в силу жизненного опыта, особенностей социализированности и воспитанности, стратегии общественного поведения они оказываются не вполне приемлемыми.

Но, с другой стороны, мы должны еще учитывать такую вещь. Результаты исследований, проводимых в последние десятилетия (знакома с ними в силу того, что являюсь членом Международной ассоциации исследователей детского движения, которая занимается проблемами активности молодежи и детских общественных организаций на постсоветском пространстве), подтверждают общую закономерность проявления «сверхнормативной активности» личности (Р.С. Немов), которая выражает социальную позицию личности. Она проявляется в мотивах, ценностных ориентациях, нравственных ожиданиях, моральных установках, отношениях, поступках и результатах общественной деятельности, соответствующих тому, что не может быть ей предъявлено как *обязательное*, официальное предписание, т.е. нормативное в правовом смысле этого слова. Так вот, склонность к социальной – сверхнормативной – активности, т.е. ее высокий уровень характерен по данным примерно для 33 – 35 % подростков и молодежи

Т.е. эта та самая часть молодежной социальной когорты, которая готова участвовать в различных гражданских и политических событиях, акциях, организациях. И этот потенциал пребывает главным образом в ожидании востребованности. Но его основная масса, о чем говорит, например, реальная численность детских и молодежных объединений, остается невостребованной. Как одно из следствий этого – обсуж-

даемые события последних месяцев (негативные тенденции в развитии «фанатского» движения, национальная нетерпимость, несформированность у значительной части молодежи толерантности по отношению к любым формам инаковости).

И вот здесь возникает воспитательный аспект проблемы, мы никуда от этого не уйдем. Мое глубокое убеждение: нельзя человека научить быть добрым, не давая возможность совершать ему добрые поступки. Нельзя научить человека быть гражданином, не давая возможности ему совершать гражданские поступки. Есть такое понятие в социальной педагогике – «социальные пробы». Значит, для обретения опыта гражданского поведения необходимо создавать условия для того, чтобы пробовать себя в роли гражданина. Что может гражданское общество для этого сделать? Как содействовать этому? Пускать формирование общественно-политической активности молодого поколения на самотек было бы сегодня серьезной ошибкой. Последнее время в Российской Федерации серьезное развитие получили различные национальные проекты, возможно, «строительство» молодежного, детского национального движения – это главнейший национальный проект не столько для государства, сколько для всех институтов гражданского общества.

А.А. Штуден. Всей душой с Вами, Мария Алексеевна. Совершенно четко, каждое слово – в точку. Но мне бы хотелось добавить, что вот эта традиция воспитания имеет настолько глубокие корни в ментальности, истории более, чем тысячелетней, что разово это изменить просто невозможно. Кроме того, когда мы с коллегами обсуждаем в преподавательской поведении наших питомцев, то и дело звучит слово «ин-

фантильность». А инфантильность – это же просто отсутствие опыта, ответственности! Вот представьте неполные семьи, где мама тянет одного сынулю... Она же все за него делает. Принимает за него решения, ходит в деканат просить за этого сынулю и т.д. А сынуля, в результате – вот такой! Из незрелых, безответственных людей гражданское общество просто не получится. Но это одно. А второе, я ни в коем случае не считал бы события на Манежной площади признаком гражданского общества, это антипризнак: такие вещи появляются, когда нет гражданского общества. Бунт – это не поведение гражданского общества, это экстремизм. А если представить, что все-таки нашлись ответственные люди, которым судьба страны небезразлична, готовые решать проблемы не с помощью железных прутьев, а доводами и логикой, то кто им позволит выражать свою волю открыто и свободно? Это актуальный и жгучий вопрос.

Л.А. Осьмук. Я согласна с коллегами, и если вспомнить, что гражданское общество – это то, что противостоит государству, это способность общества к самоуправлению и самоорганизации, то на самом деле начинать нужно с воспитания гражданина. Если вы помните, по Гегелю, основной единицей гражданского общества является гражданин, но гражданин не берется невесть откуда, гражданина необходимо воспитывать. Воспитывать активную позицию, воспитывать гражданское участие. Гражданин – человек, готовый решать социальные проблемы. Если для Запада проблема гражданского и общественного участия решена, что проявляется через тотальное волонтерство, то в России волонтерские практики, как правило, организуются вузами (гуманитарными направлениями).

Российские НКО/НГО за редким исключением не имеют отрядов волонтеров, не говоря уже о законодательстве, обучении и планировании. И сколько мы ни пытаемся волонтерское движение инициировать, на сегодняшний день пока ничего не получается. Между тем, к волонтерским социальным практикам надо привлекать молодежь, это и есть способ сделать из молодого человека гражданина. Взаимопомощь и помощь другому – эти стратегии должны быть основой общества, пытающегося называться «гражданским». Социальное участие в гражданском обществе – это социальная практика, это привычка, которая формируется уже в период ранней социализации.

Н.И. Макарова. Я хочу еще добавить по поводу Манежной площади. У нас интересно получается: когда молодежь не выходит на улицы и не говорит о том, что ее тревожит, то она аполитична. Когда молодежь выходит и требует справедливости, то это бунт. По-моему, нужно спокойно разобраться, прежде всего, в причинах этого бунтарского выступления молодежи, а также проанализировать мотивы тех групп молодых людей, которые участвовали в беспорядках. Ведь основной причиной было убийство, которое властные органы некомпетентно, мягко говоря, стали расследовать, попустительствуя замешанным в этом преступлении. Когда власти опять же не прореагировали должным образом на первое выступление молодежи, которое было достаточно мирным, то к чему удивляться тому, что произошло на Манежной площади, куда теперь вышли уже не только те, кто хотел справедливости, но и те, кто воспользовался случаем и распоясался под прикрытием толпы. Я считаю, что здесь не вина людей, которые вышли на площадь, а вина тех, кто довел ситуацию до такого кипения.

О.А. Донских. Я думаю, что все-таки мы сейчас политической оценки не будем давать. То есть позиция понятна, поэтому вернемся к обсуждению. Мы сейчас заканчиваем, и у меня предложение такое: у нас есть традиция, каждый может сказать о том, что он считает самым важным по обсуждаемым вопросам.

Н.А. Чубыкина. Хотелось бы ремарку по последнему вопросу, о молодежи и ее возможности строить гражданское общество. На мой взгляд, не может молодежь строить гражданское общество. Очень точное слово, Олег Альбертович, было у Вас, когда говорили о результатах социологического исследования, – ведомые. И результаты, говорящие о преобладающей инфантильности и аполитичности молодежи, мне кажутся вполне предсказуемыми.

Мы говорим молодежь – и не соотносим возрастные рамки и социальные роли. Да и само дробление по возрастам: вроде бы молодежь с 14–15 до 30 лет. А это такая разница, что впору их относить к разным поколениям. Людмила Алексеевна упоминала, что для молодежи разрыв до 5 лет воспринимается как существенный, для них здесь уже деление идет на «мы» и «они».

Социальные роли и календарный возраст могут очень различаться в разные исторические периоды. Те, кого называли молодежью в XIX веке, сейчас рассматриваются как дети. 30-летнюю женщину в те времена вполне могли назвать старухой, а в наше время ее отнесут к категории молодежи и назовут девушкой. То есть сравнение данных первой половины XX века и нынешних уже было бы некорректным. Если сравнить продолжительность жизни в те времена и сейчас, соотношение получается примерно 50 и 80 лет. Не уверена, что мы хорошо представляем, какой социальный

эффект дает этот рост продолжительности жизни. Должен ли ребенок взростеть в 10 лет и все остальное время быть активным строителем гражданского общества или он может до 30 безнаказанно демонстрировать птенцовое поведение? Возможно, возрастной инфантилизм – характерное следствие социального прогресса. А, может быть, есть еще российская специфика, когда людям, не только молодежи, просто не позволяют действовать независимо. И ответственно.

О том, может ли молодежь, как особая группа, творить, есть ли какое-то особо выдающееся молодежное творчество, сегодня говорил Павел Дмитриевич. Вроде бы у молодежи огромные запасы жизненных сил и возрастного оптимизма, но это все уходит на обучение и социальную адаптацию. В норме молодежь, скорее, ищет свое место в обществе, чем строит и перестраивает. Для молодых очень важны межличностные отношения, общение, копирование «своей» моды от одежды и языка до участия в волонтерских программах, если это станет популярным именно в их среде.

К слову, не согласна, что для современной молодежи менее доступно высшее образование по причине его коммерциализации. В 40–60-х годах прошлого века его получить было как минимум не легче. Даже в конце благополучных 1960-х высшее образование получало не более 20 % выпускников, хотя оно было бесплатным. Сейчас процент получающих дипломы значительно выше, так что проблема не в недоступности образования. Трудности для молодежи, скорее, в том, что ценность образования для них понижена при большей доступности. Безоговорочной веры в светлое будущее нет, государство утратило механизмы воспроизведения в обществе этой веры.

А высшее образование перестало быть социальным лифтом для большинства.

Мне представляется, что быть ведомыми, строить поведение по образцам – естественно для молодежи. Другое дело, что мы, как сегодня выяснилось, не можем понять, откуда и как берутся эти образцы: из Интернета ли, у старших наставников, из каких-то СМИ, и как они уже в молодежной среде превращаются в моду и образцы поведения. При этом, опять же на мой взгляд, молодежь достаточно легко манипулируема, общество и в частности политики используют это ее свойство вполне сознательно. Но ждать от молодежи строительства гражданского общества означает, по-моему, необоснованно перекладывать на нее социальную роль, условно говоря, взрослых. Отдельно у молодежи нет ни властных рычагов, ни достаточного социального влияния, ни навыков, ни соответствующих культурных образцов, как сегодня было отмечено. У меня была возможность много лет наблюдать и даже поддерживать попытки самоорганизации молодежи в сфере, которую принято называть экологией. Из многих десятков относительно успешными оказались две. Одна из них, действительно чисто молодежная, состоялась, в том числе, благодаря постоянной и длительной поддержке именно более старших людей.

А.М. Аблажей. Олег Альбертович, Вы начали сегодняшней круглый стол с того, что привели некоторые цифры, результаты социологического исследования. Я могу сказать, и это не только моя точка зрения, что сегодня социологические исследования молодежных проблем и молодежи, как отдельной социальной группы – одно из самых популярных направлений современной российской социологии, что ярко вид-

но и по удельному весу соответствующих публикаций в отраслевых социологических журналах, и по тематике защищаемых диссертаций. Это с одной стороны. С другой, драматичные события в Москве, к которым мы постоянно возвращаемся, показывают, что при всем при этом мы ее не очень хорошо знаем, эту самую молодежь. И мы, социологи, и люди, которые по долгу службы обязаны знать, что с ней происходит, чтобы иметь возможность предупредить, предугадать, провести какие-то профилактические мероприятия. Мне кажется, что одна из причин этого та, что мы, исследователи, и люди, которые отвечают за это по долгу службы, привыкли думать, что активность молодежи проявляется в каких-то привычных для нас формах активности, и когда привычной активности нет, мы говорим, что молодежь инфантильна, что она не хочет работать, не хочет учиться, еще чего-то не хочет. Она активна, но в других смыслах, в том, что для нее важно, в том, что для нее имеет ценность и смысл. Я не случайно так много говорил про социальные сети, потому что именно там рождается какое-то новое знание, там оно себя выражает. Может быть, кстати, это новая форма старого как мир протеста молодых против взрослого общества, и задача состоит в том, чтобы как-то отслеживать ситуацию, держать руку на пульсе, понимать, что ситуация не такая простая, как нам кажется.

О.А. Донских. Ну, понятно, но, видите, инфантильность... Когда встречаешь, например, студента, идущего по коридору, и спрашиваешь: «Что такое?» А он отвечает: «А у нас учительница заболела, поэтому у нас урока нет». И когда это говорит студент третьего курса, как вы к этому относитесь? Или когда приходят, действительно, родители. Я не представляю, чтобы раньше пришли

в вуз родители, чтобы выяснять, как учится «ребенок», допустим, на втором-третьем курсе. Ну, это маразм же полный, о чем еще говорить? А при этом их же сокурсники работают, чтобы за обучение заплатить. Такие вот вещи разные накладываются.

А.М. Аблажей. Это вызывает понятные чувства, но ведь не исключено, что тот же самый студент, который называет преподавателя учительницей, может, он какой-нибудь суперактивный блогер, тысячник какой-нибудь, его мнение интересно тысячам людей, может быть, он в определенных кругах имеет высокий вес и высокий авторитет.

М.А. Абрамова. Я хочу Анатолия Михайловича поддержать, потому что есть активность реальная в социальном плане, когда человек выполняет какие-то действия и участвует в каких-то мероприятиях вне виртуальной среды. И есть виртуальная среда, которая недостаточно изучена. И действительно, человек там может быть достаточно активным, не проявляя себя совершенно никак в реальности. В результате, как нам кажется, усиливается инфантильность, в основе которой лежит безответственность и отставание в психическом созревании личности. Ведь для созревания личность должна проходить определенные жизненные этапы. Но виртуальная среда позволяет манипулировать образами. Позволяет человеку как бы начать жизнь сначала, снимая с него ответственность за последствия своих поступков.

Что касается нашей дискуссии, то я бы, наверное, здесь отделила объективные факторы, которые нужно обязательно учитывать, поскольку они влияют на процесс адаптации. Например, по результатам наших исследований экстраверты адаптируются лучше, чем интроверты. Это психо-

физиологические особенности индивида, их изменить невозможно – это объективный фактор. Далее – возрастная группа. Мы проводили исследования, чем отличается иерархия ценностей у подростков 14–17 лет, иерархия ценностей у молодежи до 20–24 лет и так далее. Т.е. мы разделили группу молодежи до 30 лет на разные подгруппы. Сейчас не буду приводить результаты, они все освещены в книге «Россия как цивилизация: сибирский ракурс» (Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2008). Монография, была подготовлена нашим сектором. И вот на основании наших данных могу сказать, что, действительно, возраст будет очень сильно влиять на формирование иерархии ценностей, поведение человека и степень его адаптированности. Поэтому, наверное, необходимо учитывать объективные факторы, принимать их к сведению и не путать с субъективными, на которые мы действительно можем с вами повлиять. Но, извините, на психофизиологические особенности индивида нам никак не повлиять при помощи политических программ. Как мне показалось, мы сегодня иногда приходили в дискуссии к смешению объективных и субъективных факторов адаптации и самоидентификации молодежи. А в целом мне дискуссия показалась интересной и полезной, мы поделились своими мыслями на предложенную тему, и оттого, что в дискуссии участвовали представители разных профессиональных направлений, я думаю, наш разговор стал только насыщеннее. Спасибо.

Л.А. Осьюк. Мне кажется, что изучать нужно не только молодежь, но и то, что старшее поколение думает о молодежи. Интересно, насколько мы сами понимаем молодежь. Рефлексия по поводу

взаимодействия поколений, а не оценка нового поколения – вот более объективная и, с моей точки зрения, более полезная позиция.

В.В. Глинский. Отметил бы несколько моментов. Во-первых, Олег Альбертович, если выбрать из всего этого плана один вопрос, было бы, наверное, гораздо лучше. Потом, когда сюда шел, я откровенно не понимал: я-то здесь зачем? Потом линию поведения себе выработал. Я пытался для себя представлять молодежь в этой аудитории. Не по возрасту, а может быть, по состоянию души. А иначе очень странная ситуация. Обсуждаются собственные представления, как правило, эти представления тридцатилетней давности, и как-то друг с другом дискутируем. Например, жалеем молодежь. Скажите, пожалуйста, а Вы не задумывались, что, может, она нас жалеет? Вот я, например, не знаю, как у Донских, жалеет ли его дочь, а вот меня мой сын точно жалеет. Вот уже лет двадцать он говорит: «Отец, чем ты занимаешься?! Да брось ты вот это, зачем тебе в науке что-то делать?» Совершенно всерьез жалеет! И может быть, этот вот пессимизм – от этого, потому что молодежь-то не пускают ни писать статьи, ни выступать в «ящиках» и так далее. А выступают люди пожилые, которые считают, что они ничего не добились и не добьются, поэтому, наверное, у нас страна вечных сожалений. У любого молодого человека, если доходы – от нуля до миллиарда. Если карьера – то до президента. А мы? Чем мы можем отличаться? Ну, я например: 55 лет, доктор наук, получаю по основной ставке 35 тысяч рублей.

– Хорошо получаете.

– Нет, ну это по основной. А у меня сын ... мне приходится там работать и там работать, чтобы своего сына догонять. Ко-

торого я в 15 лет выгнал из дома, и он нормально в бизнесе работает. Поэтому кого жалеет-то? Какие основания нам жалеть?

О.А. Донских. Ну, понятно. Никто никого жалеть не должен! Жалость унижает, это мы знаем.

В.Я. Карпов. Поскольку мы национальной идеи за семнадцать лет не выработали, то это означает, что мы современного общества не понимаем. Не так уж это страшно, мне думается. Вот тут Гегеля Людмила Алексеевна поминала. У него есть и другое очень интересное изречение о том, что сова Минервы вылетает в сумерки. Т.е. история по большому счету творится бессознательно. И только потом какие-то объяснения придумываются, когда очень сложный процесс становления нового общественного устройства застывает в простой и понятной структуре. На что я хотел обратить внимание и что меня приводит к мысли, что не совсем безнадежно выглядит проект по построению гражданского общества. Причем не чей-то извне или свыше подаренный. Что происходит? Я всего лишь только пять примеров приведу, но зато вы сразу их вспомните. То, что регулярно взрывы общественной активности происходят, происходили и будут происходить, это вполне естественно, но я обратил внимание на то, что, пожалуй, в последние два года стихийные возмущения приобретают совершенно другую форму. Это не просто эмоциональный выплеск, если есть возмущение какой-то неурядицей, то начинает формироваться на регулярной основе некое сообщество. Подчеркну: на регулярной основе! В этом принципиальное отличие. Гражданское общество – это сложно структурированное общество. И вот теперь у нас такие гражданские структуры возникают.

Примеры. В Советском районе – трагедия: умер ребенок. Раньше бы покричали и забыли. Сегодня там возникла организованная группа, которая на регулярной основе взаимодействует с властями и пытается решить проблему детского здравоохранения. Я сужу по обращениям и акциям родительского авангарда. Это раз.

Второй пример. Возникла проблема с общежитиями. Многие там живут годами. Идет приватизация жилья, а они чувствуют себя обойденными. Граждане самоорганизовались, у них есть общая организация активистов, которая решает эту проблему. Последовательно, шаг за шагом выстраивает «дорожную карту» своих действий.

Следующий пример. Садоводов тут затопило весной. Раньше бы садоводы ограничились всплеском возмущения. А сегодня ко мне приходит для начала шесть представителей садоводческих товариществ. Шесть – это уже достаточно много. Более того, они уже самоорганизовались, у них уже есть лидеры, они уже на регулярной основе работают с органами власти.

Еще пример по детским садам. Детские сады – проблема понятно какая. Активные действия начиналась с того, что мамочки с колясками устраивали различные акции. Сегодня уже в регулярном режиме работает их орган. Стихийно возникшая группа структурировалась.

Последний пример. Протестами экологов нас не удивишь. Сначала возникло движение по защите Нарымского сквера, потом Тимирязевского, следом по защите лесов в Советском районе и так далее. Сегодня они между собой установили контакты, у них уже группа, которая выходит на защиту не просто своего кусочка природы, а на решение экологической задачи в целом.

На мой взгляд, вывод из этих примеров очевиден. Ответы общественности на вызовы жизни стремительно приобретают новое качество. Ключевое слово в его определении – «структурность». Кстати говоря, и наши теоретические диспуты приобрели регулярный характер, поэтому очевидно структурированы редакции журнала в элемент гражданского общества.

Н.И. Макарова. Очень интересно.

Я тут на двух моментах хочу остановиться. Первое, возразить Наталье Леонидовне по поводу того, что молодежь обязательно должна быть ведома. Молодежью принято считать людей от 14 до 30 лет. Не знаю, как в других областях знаний, но в гуманитарных науках нужно примерно 10 лет, чтобы стать специалистом. Значит, после окончания вуза человек приобретает опыт и вес как профессионал где-то к 27 годам. Так вот, я хочу сказать, что для того, чтобы молодость, талант, мастерство, знания и умения не пропали даром, надо, чтобы у этих молодых людей была возможность себя проявить. Для этого должна быть здоровая конкуренция. А вы посмотрите, что у нас творится. В политике, например, мы видим те же лица, которые мы видели 20 лет назад. Ядро партий было сформировано, и оно практически не меняется. Сколько представителям нашей политической элиты сейчас лет? Видим ли мы там молодых людей? Или наша бизнес-элита, которая также сформировалась и закостенела, никого больше не пропуская в свои ряды.

В.В. Глинский. В бизнес молодежь не идет. Просто уже не прикалывает.

Н.И. Макарова. А что их прикалывает?

В.В. Глинский. А их прикалывает в партию, госслужащим и так далее.

Н.И. Макарова. А вот теперь о жалости. Ну, во-первых, я хочу сказать, что эта китайская поговорка, что мы «страна сожалений», очень любопытна. Однако для меня она в первую очередь свидетельствует о той разнице в культуре, которая есть между русскими и китайцами. Я полагаю, что эта поговорка отражает образ русской культуры, и преимущественно XIX века, в восприятии китайцев. Это была христианская культура и нам, конечно, было свойственно жалеть и сожалеть. Сожалеть о собственных грехах и ошибках и жалеть того, кто рядом с нами. Почему я жалею молодых? Наверное, по той причине, что каждый, конечно же, учитывает свой собственный опыт. Я же вижу своих друзей и знакомых, у которых есть дети, примерно 20 лет. И я вижу те проблемы, с которыми семьи моих друзей сталкиваются. Достаток в этих семьях ниже среднего, в основном это неполные семьи. Молодые пытаются работать, и почти у каждого есть случаи, когда их обманули и за работу не заплатили. И нет возможности путешествовать. Это дети, которые не были ни в Москве, ни в Петербурге, не говоря уже о том, что они не были за границей. Конечно, по сравнению с нами кажется, что у сегодняшних молодых больше возможностей. Можно учиться везде, где хочешь, можно учить иностранные языки, можно ездить за границу. Однако на деле получается: чтобы все это реализовать, нужен достаток и уверенность в завтрашнем дне.

В.В. Глинский. Что касается студентов. Мы с Вами учились примерно, допустим, тридцать лет назад. Тогда, тридцать лет назад, численность студентов на весь Союз – 2,4 миллиона. На весь Союз, на 250 миллионов! Сейчас 7,5 миллиона студентов на 140 миллионов населения. Поэтому,

можно сказать так, что каждый желающий получить высшее образование его может получить.

О.А. Донских. Гаденькое, но может.

В.В. Глинский. А теперь давайте так: откуда это все? Почему вы считаете, что то образование, которое мы получили 30 лет назад, лучше? Это ваши собственные представления.

Т.А. Ромм. У нас, гуманитариев, все обсуждения сводятся зачастую к интерпретации того, что сами создали, сконструировали. Этакая «картина маслом»: сами ее рисуем, а потом сами изучаем и обсуждаем. Какая часть объективной реальности попадает в фокус нашего внимания, зависит от нашего субъективного взгляда. В этой связи нужно признать, что образ молодежи различен. Как и молодежь, которая в этом образе отражается. Обсуждения молодежи в средствах массовой информации, на быденном уровне, чаще фиксируют негативные проявления жизни современной молодежи. К сожалению, и серьезные исследования гораздо реже посвящены позитивным аспектам современных молодежных инициатив. Возможно, именно это служит основанием для заявлений: «вот это молодежь не делает, этого не умеют и пр.». В частности, здесь речь шла о волонтерской деятельности, о том, что она плохо «приживается» в наших условиях. На самом деле, приживается, реализуется через идею социального служения, добровольчества и пр. И у нас, в педагогическом университете, и в городе есть волонтерские отряды, волонтерские клубы, волонтерские акции, которые результативны и интересны. Это тоже активность сегодняшней молодежи. К сожалению, об этом и в средствах массовой информации, которые обладают сегодня важнейшим каналом конструирования

ния образа молодежи в массовом сознании, и на уровне общественных обсуждений говорим недостаточно. Наверное, это аспект, на котором тоже необходимо фиксировать свое исследовательское внимание: есть негативные тенденции, но есть же и позитивные. На самом деле это отражает сущность молодежи как части социальной реальности. Молодежь всегда была такой. А задача любой науки – пытаться представить объект во всем многообразии связей, свойств и отношений, свойственных ему.

И последнее. Размышляя о молодежи, нужно смотреть не только куда и во что она «уходит», не менее важно видеть, понимать, откуда она пришла, из кого она вырастает, из каких детей, подростков. Рассуждать о самоопределении и самореализации 18-летних бессмысленно, если не учитывать, что механизмы этих психологических процессов запускаются в раннем детстве и важнейшее значение для их формирования играет не только семья, не только обучение, но система социального воспитания, которая должна быть предметом заботы всего общества.

А.А. Штуден. Мне не стыдно говорить, что я жалею молодых людей. Потому что я их люблю. Своих учеников я люблю, и мне их жаль. Почему жаль – потому, что их угораздило родиться в такое время, когда судьба России висит на волоске, мягко говоря. И наиболее разумные из этих ребят – у меня были беседы с ними – особого оптимизма не испытывают. Мы были год назад на одном таком замечательном мероприятии с Олегом Альбертовичем, состязались команды на Потанинских мероприятиях. Приехали студенты – замечательные ребята. Ясноглазые, умницы, бойкие; у меня даже была эйфория по этому поводу. И потом, когда мы все собрались, организаторы,

эксперты, мне захотелось выпить за этих ребят, за их успех, но тут меня окатили холодным душем. Один ответственный товарищ сказал: вот Вы ими восхищаетесь, а 90 % этих людей через 5 лет окажутся за бортом! Скажу откровенно: мне расхотелось пить, захотелось напиться. Потому что подавший эту реплику был абсолютно прав.

Второе. Вот с этими социальными сетями: у меня мелькнула идея, что этим должны вплотную заняться психологи. Общение друг с другом только в виртуальном пространстве, без выхода в пространство реальное, не накладывает ли какую-то чудовищную деформацию на сознание? Это надо специально исследовать. Здесь я ничего определенного сказать не могу, но мы ведь знаем о том, что прямое общение – это обмен энергией, обмен взглядами, рукопожатиями, эмпатией, эмоциями... Это полноценная вещь. Что касается виртуального общения, – я ведь изучал эти блоги и форумы, – у меня большое сомнение, является ли такой вариант общения полноценным. Но, повторяю, этим должны заняться психологи, и чем раньше, тем лучше.

Представляем ответы на вопросы, присланные в ходе письменного опроса. Редакция стремилась в этом опросе отразить точку зрения тех, кого можно отнести к обсуждаемой категории «молодежь».

Борис Сергеевич Сивирин.

Прежде всего, производя социологический анализ молодежи как социальной группы, следует иметь в виду, что молодежь в России составляет социальное меньшинство, а именно – около четверти всего населения. Поэтому как социальная и электоральная сила – молодежь, по факту, долгое время не является приоритетом для властей, как на федеральном, так и на местном уровне. Со своей стороны, молодежь, по

данным Информационно-аналитического бюллетеня института социологии РАН «ИНАБ», в известной степени индифферентна к власти и, например, «особого интереса к выборам, особенно к парламентским, она не проявляет. ... число «голосующей» молодежи на выборах разного уровня чуть выше трети (36 %). На прямой вопрос «За какую партию Вы проголосовали бы на выборах в Государственную Думу?» каждый второй молодой россиянин однозначного ответа не дал. Поэтому если оценивать состояние молодежи относительно процесса становления гражданского общества, которое предполагает наличие конструктивной социально-политической активности населения, то пассивность молодежи не позволяет пока говорить о ней как существенном факторе формирования гражданского общества в России.

При анализе ценностей молодежи, определяющих ее поведение, следует учитывать то состояние аномии, в котором молодежь пребывает вот уже почти двадцать лет. Это политическая аномия, о которой было сказано выше, нравственно-этическая аномия, которая связана с дезориентацией молодежи относительно нравственных ценностей. Правда, следует уточнить, что благодаря определенной социокультурной инерции основных воспитательных процессов молодежь пока (часто декларативно) высоко оценивает такие качества, как «честность», «искренность» (первое место в опросе), но дезориентация в нравственных ценностях приводит к тому, что близкие вышеназванным качествам – «порядочность» и «справедливость» находятся на пятом месте в опросе. Значительная часть молодежи не считает безнравственным различные проявления коррупции: по данным Информационно-аналитического бюлле-

тенья института социологии РАН «ИНАБ», «уклонение от налогов и дачу взяток категорически неприемлемыми считают только около половины опрошенных, а не считают зазорным 34–50 % молодежи...».

Кроме этого немало среди молодежи таких, которые считают, что в современном обществе не должна существовать система общих моральных ценностей. Это якобы присуще тоталитарному обществу, Советскому Союзу, например. Каждый современный человек, утверждают они, должен руководствоваться своей собственной системой ценностей, и это является условием свободы личности. Однако опыт наиболее успешных в социально-экономическом развитии обществ доказывает важность наличия именно общих, прежде всего моральных, ценностей, скрепляющих и консолидирующих общество (Япония, Китай, европейские страны).

Итак, мы видим, что имеет место деформация многих нравственных ценностей в среде молодежи. Причина этого, на наш взгляд, кроется в деформации позитивной воспитательной функции основных социализирующих и воспитательных институтов российского общества – семьи, школы, специальных образовательных учреждений, а также низкий уровень религиозности молодежи. (Примечателен такой факт, что практически неважным молодые россияне считают воспитание в детях веры в Бога.) Очевидно, что большинство современных семей в массовом масштабе не справляется с этой функцией. Во-первых, по причине элементарной занятости родителей, во-вторых, в силу того, что современные родители и молодежь (как будущие родители) являются жертвами деформированного нравственного поля и руководствуются в своем поведении искаженными

представлениями о системе нравственности. Так, признавая важность таких качеств, как «честность», «доброта», отзывчивость», в то же время любовь к семье, дому, близким признают менее половины опрошенных (47 %).

Все вышесказанное не должно быть основой для всеохватывающего пессимизма. Скорее, анализ тревожащих социальных фактов должен побуждать к системе мер, связанных с совершенствованием функций основных социализирующих и воспитательных институтов российского общества – семьи, школы, специальных образовательных учреждений. Разумеется, для этого в течение длительного времени должны быть задействованы значительные финансовые и соответствующие человеческие ресурсы. Так, по мнению известного российского социолога И.В. Бестужева-Лады, только для проведения радикальных и эффективных преобразований в системе школьного образования необходимы капиталовложения, «сравнимые с военными расходами».

Михаил Юрьевич Немцев.

Насколько цельной является молодежь как социальная группа?

Отдельно взятой социальной группы «молодежь» не существует. Дело в том, что в этом понятии объединены три социальных факта: (1) есть люди, которые уже получили полноту гражданских прав, но пока еще не определили свой социальный, культурный статус, круг знакомств, еще только начинают или даже еще не начинают начинать – люди «в движении». От того, как они будут формировать самих себя, многое будет зависеть в их дальнейшей социальной жизни и, кроме того, они склонны к рисковому (экспериментальному) поведению. Поэтому такие люди являются привлека-

тельным объектом политического воздействия как объект индоктринации, мобилизации на политические действия и как ресурс для кооптации в состав политических организаций), а также объектом маркетинговых стратегий: они очень хорошие потребители. (2) В нашей (западной) культуре этот возраст часто совпадает с возрастом начальной фазы «третичной социализации», т.е. постановки «настоящих», больших жизненных целей и формирования условий для их достижения, и в том числе для формирования своего культурного стиля и позиции на рынке труда (в средневековом обществе это могло происходить раньше, в Европе XIX века – позже...). (3) В этом возрасте опять же в нашей культуре начинается активное демографическое поведение – вступление в брак, продолжение рода и т.д. Поэтому в условиях современной «биополитической власти» государство наделяет себя правом и обязанностями заботиться о людях в этом возрасте. Поэтому институционализируют специальные учреждения, занимающиеся «молодежью», а они должны легитимировать свое существование, разными способами конструируя такую «социальную группу».

Итак, существуют разные политические, идеологические и коммерческие интересы в выделении людей, о которых можно сказать (1), (2), (3), в отдельную социально-культурную группу «молодежь». При этом, разумеется, внутренние различия в самой этой «молодежи» нивелируются, а ее представители принимают такую идентичность «представителя молодежи». Можно рассматривать «молодежную политику» в России как формирование своеобразного сословия «молодежь», т.е. наделение представителей этой группы особым правовым статусом. Такими были, например, попытки введения

«комендантского часа» в разных регионах России в 2008 году или недавние изменения в законодательстве, ограничивающие распространение «вредной для молодежи» информации в СМИ.

Насколько существенной является проблема ксенофобии в молодежной среде?

Разговоры о «ксенофобии в молодежной среде» есть способ интеллектуального самообмана: такой проблемы, именно как проблемы, не существует. Так называемая «проблема ксенофобии в молодежной среде» является лишь проявлением двух других проблем: (1) в российском обществе усиливается ксенофобия как метод социальной стратификации, и оно становится расистским, поскольку власть и «элиты» демонстрируют приемлемость и уместность расизма как метода поведения по отношению к «другим», в некоторых сообществах (не являющихся исключительно молодежными), формируется культурный стиль поведения, предполагающий демонстрацию радикального мировоззрения и обусловленного им поведения. Это усугубляется тем, что (2) в России насилие становится легитимным методом решения любых проблем; следовательно, и «ксенофобия» становится насильственной. Существует запрет на насилие в отношении определенных людей, но в принципе насилие – это теперь терпимо, иногда даже правильно, важно только, чтобы по отношению к тем, к кому «надо». Я не вижу здесь принципиальной разницы между людьми, которые впятером запинывают пожилого китайца в метро и которые поощряют насилие в камерах предварительного заключения в милиции по отношению к каким-нибудь «несогласным».

Молодежь и ценность образования.

Образование в «молодежи» является большой ценностью, но традиционные об-

разовательные институты стремительно теряют привлекательность как места достижения образования. Известно, что в вузах «ничего не учат», следовательно, и ходить туда незачем; а образование можно получить самостоятельно или в других местах. Это – результат деградации образовательных институтов (в первую очередь выгодной, конечно, самим образовательным институтам).

Ирина Юрьевна Лапова.

Насколько цельной является молодежь как социальная группа?

На мой взгляд, на сегодняшний день сам термин «молодежь» уже совершенно не способен характеризовать некую цельную социальную группу. Разделение по возрастному принципу совершенно не указывает на принадлежность людей к виду деятельности, картине мира, набору ценностей. Среди сверстников я никогда не слышу данное понятие при попытке самоопределения. Молодые люди относят себя к определенному набору взглядов, ценностей, установок, как правило, индивидуально и часто ситуативно отобранных. Постановка вопроса с использованием столь общего понятия приводит к тому, что ответ максимально унифицирует реальную ситуацию, а, значит, разговор получается довольно абстрактным, по-моему.

Молодежь и ценность образования.

Есть две категории людей, которые я наблюдаю среди своих сверстников по отношению к ценности образования. Одни действуют по инерции, предложенной самой системной традицией поступления в высшее учебное заведение после окончания школы, зачастую без ясного понимания содержания выбранной профессии, собственного потенциала. Эти люди, как правило, могут относиться как очень ответ-

ственно, так и совершенно инфантильно к процессу обучения, и на выходе вынуждены реагировать на запросы рынка, нежели руководствоваться собственными ресурсами и амбициями. Вторая категория людей отрицает релевантность высших учебных заведений текущим реалиям и занимается самообразованием при помощи специализированных курсов, практики, зарубежных стажировок, пытается создать собственное информационное поле. Эти люди, как правило, более мобильны, практичны, определены.

Елена Сергеевна Котова, Дмитрий Сергеевич Калинин.

Насколько цельной является молодежь как социальная группа?

Цельность не совместима с понятием молодежи, поскольку она подразумевает единство взглядов, ценностей, идеалов, общественных позиций. Единственное, что объединяет молодежную социальную группу, – это возрастные показатели. Молодежи присущи свои субкультуры, которые формируются в зависимости от той среды, в которой человек воспитывался, в которой складывались его ценности, картина мира, вкусы, культура, отношения к представителям других культур, субкультур и контркультур. Субкультура включает в себя ряд направлений – она может определяться предпочтениями в музыке и политике, в способах проведения досуга и др. Среди субкультур можно выделить эмо, металлистов, рокеров, панков. Есть и более узкие: проводящие активный досуг скейтбордисты, которые в основном слушают панк. Появилась так называемая «золотая молодежь», или «мажоры». Для представителей «золотой молодежи» характерен гедонизм – страсть, стремление к удовольствию в жизни, в основном они существуют за

счет успешных, состоявшихся родителей. Эти ребята, как правило, учатся в престижных вузах, являются потребителями дорогих брендов. Социальные связи осуществляются в основном внутри своей социальной группы контактов.

У всех субкультур, основанных на музыкальных предпочтениях, есть общая черта – они не идентифицируют себя как часть общества, они электорально пассивны. Вообще, одной из важных черт молодежи является ее аполитичность, а также неумение планировать и организовывать свою жизнь осознанно в соответствии со своими целями и предпочтениями. Правда, существуют молодежные объединения и партии, которые в последнее время становятся популярными. Есть и молодежные органы самоуправления – это молодежные парламенты, молодежные советы, молодежные пресс-центры и малочисленные молодежные объединения. Эту группу молодежи объединяет тот факт, что они себя позиционируют как людей, обладающих активной жизненной позицией. Они считают себя наиболее просвещенной частью общества. Но, говоря о крайних проявлениях молодежной субкультуры, не стоит забывать, что существуют группы молодых людей, которые нельзя отнести к определенной субкультуре, поскольку они вбирают в себя признаки многих молодежных течений и не являются представителями ни одной из них.

Какие ценности определяют поведение молодежи?

Уровень образования молодых людей определяет ценностный потенциал молодого человека. Ценности меняются, но базовые ценности во все времена остаются неизменными – всегда существует потребность в человеческом общении, любви, семье, друзьях. На сегодняшний момент мож-

но говорить о том, что главной ценностной шкалой стала финансовая. В первую очередь ценится уровень доходов, хотя нельзя забывать про социальный статус и наличие значимых социальных контактов. Такие социальные сети, как «В контакте», «Мой круг», «Одноклассники», «Facebook», «Twitter», заменяют реальное общение, реальное переживание ситуаций, заменяют личную жизнь и не способствуют развитию и росту моральных качеств личности в их лучшем смысле. Популярная литература, кинофильмы и музыка пропагандируют циничное отношение к миру, девальвацию традиционных общечеловеческих ценностей, рекламируют гедонизм как самоцель существования.

Молодежь и гражданское общество.

Самопроявление молодежи и реализация ее прав применительно к гражданскому обществу может включать в себя политическую и социальную активность молодых людей, предпринимательскую активность, активность в сфере искусства, образования, науки. Политическая активность заключается в том, что молодые люди вступают в политические партии и движения, обычно в поддержку более «взрослых» политических союзов. Так, известно движение «Наши», поддерживающее политику партии «Единая Россия»; «Молодая Гвардия», образованная в 2000 году для поддержки В.В. Путина. Социальная позиция молодежи может проявляться в образовании союзов, советов, преследующих различные социально значимые цели: поддержку ветеранов, контроль за соблюдением правил дорожного движения и прочее. Известны многочисленные музыкальные коллективы, театральные актеры и режиссеры, вышедшие из молодежной среды. Однако в молодежной среде можно наблюдать и на-

строения политического радикализма, нетерпимости на религиозной почве. Есть и околориминальные молодежные субкультуры, например, гопники. Участие в подобных группах препятствует развитию гражданственности.

Как новые способы коммуникации влияют на сознание молодежи?

Под новыми способами коммуникации уместно подразумевать социальные сети и сотовую связь. С приходом новых типов связи количество контактов в молодежной среде резко возросло. Однако следует отметить, что большая часть контактов обезличена, так как проходит в Интернет-среде и посредством сотовой связи. Растет число социальных сетей, практически у каждого молодого человека есть страничка в одной из них. Такое распространение новых способов коммуникации обесценивает реальное общение, мало того, наблюдаются девиации системы ценностей молодых людей, стираются интимно-личностные рамки, то, что ранее считалось строго индивидуальным, интимным, теперь выставляется напоказ. Ликвидация «личного» как части внутреннего мира человека становится возможным именно вследствие замены реального общения, которое ограничивает человека в его открытости, на обезличенное электронное общение, где главным инструментом коммуникации выступают слова, статичные изображения и существует некий эффект постановочности, когда молодой человек пытается преподать себя в лучшем свете, нивелируя и маскируя недостатки и комплексы, вместо того, чтобы бороться с ними.

Также можно отметить наметившийся отказ от звуковой речи в пользу письменной, вследствие распространения технологий текстовых сообщений в рамках сотовой

и Интернет-связи. Наблюдается возникновение некоего сленга, специфического языка для текстового общения, в котором стираются нормы общепринятой грамматики и синтаксиса с целью сделать процесс написания сообщения более быстрым. Тем самым снижается уровень владения молодежью грамматическими правилами.

Насколько существенной является проблема ксенофобии в молодежной среде?

Ксенофобия, или нетерпимость ко всему чужеродному, для той или иной социальной общности имеет место среди молодежи. Существует множество примеров проявления нетерпимости на религиозной и национальной почве, получили свое развитие соответствующие молодежные объединения. Наблюдается, например, повышенный интерес к фашизму, возвеличение личности Гитлера, возрождается соответствующая идеология. Думается, подобные проявления ксенофобии становятся реальными вследствие отсутствия качественной системы формирования духовных ценностей, морально-этических принципов не только в молодежной среде, но и во всем современном обществе. Современные СМИ посредством ряда программ также активно участвуют в формировании негативного отношения к представителям других культур.

Молодежь и ценность образования.

Образование в среде современной молодежи по большей части является инструментом и условием продвижения по карьерной лестнице. Знание и образование как таковые потеряли свою ценность, и считается, что обучение нужно только ради получения диплома и иных сертификатов. Для достижения успеха в жизни необходимо иметь диплом по престижной специальности – менеджменту, юриспруденции и

подобным. То есть даже высшее образование – это только необходимое условие для позиционирования на рынке труда. Среднее образование не является привлекательным для значительной категории молодежи, хотя спрос на квалифицированных рабочих значителен. Отсутствует установка на получение знаний, практическая значимость которых очевидна и необходима в жизни. Соответственно, исчезает и установка на самореализацию.

Егор Михайлов, студент 4-го курса Новосибирского государственного университета экономики и управления

В общем, я, конечно, тот еще представитель молодежи, и вообще страшно далек от народа. Но, если говорить о ксенофобии, например, то мне кажется, что ее всплеск – свидетельство примитивизации образа мышления людей, и это не очень хорошо – социальные конфликты, протесты etc. легко сталкиваются или скатываются сами в область межнациональных, например, разногласий. В первую очередь это, конечно, про Манежку, – но это, боюсь, только самый яркий случай из многих.

Вера Захаровна Шурбе, к-т социологических наук, доцент кафедры социологии Новосибирского государственного технического университета

Насколько целевой является молодежь как социальная группа?

Вопрос, на первый взгляд, предполагает однозначный ответ: молодежь является целевой группой. Искушают к такому ответу возрастные рамки, которые установлены социокультурными традициями и документами по социальной и государственной молодежной политике (далее – ГМП). На некоторых документах мне бы хотелось остановиться, так как в них проявляется неоднозначность легитимации, интерпретации

и определения молодежи как социальной группы.

Так, Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2016 года «ориентирована преимущественно на граждан РФ в возрасте от 14 до 30 лет». А Конвенция о правах ребенка, принятая ООН в 1989 г. и ратифицированная Россией в 1990 г., в первой статье определяет, что «ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее». Уже эти два документа неоднозначно определяют возрастные рамки молодежи и детей и свидетельствуют о том, что молодежь как социальная группа не цельна и не однородна даже при попытке ее определения с помощью первичного базового критерия «возраст».

Многие документы противоречивы и в определении «самости» и дееспособности молодежи с помощью возрастного критерия. Так, паспорт в нашей стране молодые люди (или все-таки дети?) получают в 14 лет и «далее именуется – граждане» и согласно Конституции приобретают все права и обязанности граждан РФ. Согласно Конституции на трудоспособных детей, достигших 18 лет, возлагается обязанность заботиться о нетрудоспособных родителях, а документы по ГМП предписывают обществу заботиться о молодежи до 30 лет. А некоторые локальные документы и социокультурные традиции определяют и более поздние возрастные границы молодежи, например, молодым считается доктор наук до 40 лет.

Позволю еще несколько акцентов. Так, статья 13 Семейного Кодекса РФ устанавливает брачный возраст с восемнадцати лет. При наличии уважительных причин

разрешается вступление в брак лицам, «достигшим возраста шестнадцати лет», а при наличии особых обстоятельств может быть разрешено вступление в брак до достижения возраста шестнадцати лет. Но ведь вступление в брак означает не только право создавать семью как союз двух людей, но и ответственность за возможную новую жизнь – ребенка и за жизнь этого союза.

Еще один «парадокс». Согласно федеральным и региональным законам с 2010 года молодые люди с 18 лет могут возглавлять государственные и политические структуры. А вот покупать и употреблять спиртные напитки молодые люди могут только с 21 года.

Таким образом, для однозначного понимания, чем отличается одно поколение от другого, не пришло ли время пересмотреть возрастную классификацию поколений? Нет ли в самом факте существующей возрастной классификации, которую используют ученые, властные и политические структуры, не учитывающие социальный и культурный возраст человека, фактора для девиаций молодежи?

Какие ценности определяют поведение молодежи?

Отвечая на этот и другие вопросы, воспользуюсь данными репрезентативных опросов молодых людей, проведенных с 2003 по 2010 г. в Новосибирской области. К вечным, общечеловеческим (терминальным, по М. Рокичу) ценностям стремится значительная часть молодежи. Так, более 80 % молодых людей готовы много трудиться и брать дополнительную работу, почти 90 % считают, что труд предоставляет возможность реализовать себя. Хорошую семью и детей главным жизненным успехом считают также почти 80 % молодых людей. Столько же хотели бы усвоить

полностью или частично опыт старшего поколения.

К сожалению, есть и другая статистика. Так, в Новосибирской области ежегодно, начиная с 2002 года, молодыми людьми в возрасте от 14 до 29 лет совершается около 60 % преступлений от их общего числа.

И, на мой взгляд, обусловлено это тем, что инструментальные ценности, определяющие поведение молодежи, формируются условиями «здесь и теперь». Если нет условий, например, много трудиться и достойно зарабатывать, то молодежь начинает искать другие пути самозанятости и уже не зарабатывать, а добывать денег. И эти условия – субъективные, они создаются акторами институциональных взаимодействий. Объемная сложность, как эти условия изменить. Но это уже вопрос об идеологии, социальных и социально-политических технологиях и воле тех, кому дана возможность эти технологии и идеологии разрабатывать и воплощать.

Молодежь и гражданское общество

Готовность самой молодежи принимать участие в различных направлениях молодежной политики и, соответственно, формировании гражданского общества достаточно высока. Так, по результатам наших исследований, в направлении ГМП «жилищные проблемы молодежи» готовы были принимать участие более 80 % респондентов, в «создании рабочих мест» – 76 %, в «организации активного досуга и отдыха» – 75 %, в направлениях «молодая семья» – 74 %, «молодежь и наука» – 63 %, «молодежь и производство» – 62 %, «патриотическое воспитание молодежи» – 58 %, «молодежный парламент» – 53 %, «молодежь и сельское хозяйство» – 48 %.

Таким образом, все направления молодежной политики, отражающие основные

сферы жизнедеятельности общества, вызывают интерес и готовность молодежи активно включиться в ее реализацию, что не совпадает с выявленной ориентацией молодежных лидеров на работу только с активной частью молодежи, которая составляет менее 30 %.

Важным показателем качества взаимодействия молодежи, общества и различных субъектов молодежной политики служат данные о наличии соответствующей информации и качественная информированность всех субъектов взаимодействия (что является неперенным и обязательным условием менеджмента качества).

По данным опроса потребность в информации высока у более 60 % молодых людей, но знают информацию о конкурсах, грантах молодежных проектов, обучающих семинарах менее 20 %. Такой же процент молодых людей знает об официальных молодежных сайтах и лишь 2 % их регулярно посещает, а 14 % – иногда.

Крайне низкая информированность молодых людей существенно снижает даже существующее качество взаимодействия, так как потенциальная активность, готовность молодежи, стремление принести свой вклад в сохранение и развитие общества при условии их невостребованности могут иметь деструктивные последствия.

Значительная часть молодежи рассматривает себя как актуальный ресурс сохранения и развития общества. Молодые респонденты отводят главную роль в сохранении российского общества молодежи в возрасте 18–24 года – 23 %, 25–30 лет – 37 %, в развитии – соответственно 31 % и 45 %. При этом почти 30 % молодых людей считает, что старшее поколение должно научить их управлять страной, более

40 % считают, что их надо научить любить Отчину, защищать Родину, свой народ.

Ответы свидетельствуют не только о высоком социальном потенциале, но и ответственности молодого поколения в формировании гражданского общества. Однако патерналистские настроения очень сильны в молодежной среде. А для того, чтобы молодежь была инициативна и активна в создании гражданского общества, ей требуется не столько помощь, сколько обучение ее этим навыкам. При этом хочу подчеркнуть, что нуждается в этом не только активная молодежь, а молодое поколение в целом.

Молодежь и ценность образования

Является ли образование ценностью для молодежи – один из тех вопросов, который, казалось бы, достаточно изучен социологами, специалистами в области педагогики высшей школы и другими исследователями. Но, несмотря на то, что имеется обширная статистическая информация, однозначного ответа на этот вопрос нет. Так, получить хорошее образование хотели бы почти 70 % молодых людей, стать хорошим специалистом, мастером своего дела – более 50 %. Планируют продолжить свою учебу в ближайшие год-два после окончания вуза более 50 % респондентов. Из них более 20 % хотели бы получить второе высшее образование.

Отвечая на вопрос: «Что дает вам высшее образование?», 49 % молодых людей отметили «развитие себя как личности», 37 % – «уважение к себе как личности», 27 % – «повышение уровня знаний по специальности», 23 % – «стране нужны люди с высшим образованием», 17 % – «быть самостоятельным в работе», 14 % – «приносить пользу людям, своему народу», по 12 % – «глубоко изучить предметы, получить знания» и «возможность работать творчески».

Как видим, социализация, профессионализм, компетентность не являются для молодых людей главными ценностями, которые традиционно формирует образование. Молодые люди делают акцент на роли высшего образования в их личностном становлении и осознании своей ценности. Тем самым, молодые люди подчеркивают воспитательное значение высшего образования. В «стандарты третьего поколения» не включены личностные компетенции. Но само время и поколение своего времени их востребуют.

Хочу также подчеркнуть, что в современной ситуации молодежь стремится «получить качественное образование», т.е. взять его в готовом виде. И подтверждением тому является практика использования или покупки учебных работ из Интернета. Эта практика в институциональном контексте обладает возможностью изменять реальность выбора студентами средств для достижения своих целей. С одной стороны, такая практика – девиация. Но она, как показывают исследования, поддерживается большинством студентов, а значит, становится нормой. И таким образом сами субъекты образования формируют новые повседневные образовательные практики и, соответственно, конструируют новый тип социальной реальности.

Увеличение аномии в виде экономических практик в процессе получения образования (использование учебных работ из Интернета и их покупка) мотивировано значимостью обладания оценкой, дающей определенные статусные возможности, и потерей значимости знаний как таковых и их самостоятельного приобретения. Подчеркну, что для студента оценка как запись в зачетной книжке и во вкладыше к диплому имеют значимость. Скачавший или ку-

пивший учебную работу студент, как правило, претендует на высокие оценки. Его не удовлетворяет оценка «удовлетворительно». Можно предполагать, что оценка для студента соизмерима со стоимостными, рыночными характеристиками приобретенных им работ.

Достаточно эффективных и массовых способов «борьбы» со скачиванием и покупкой учебных работ пока не найдено, да и вряд ли они появятся в ближайшее время (сможет ли решить эту проблему «антиплагиат» – тоже покажет время). Трансакционные издержки на борьбу с такими образовательными практиками слишком велики, так как велики масштабы распространения этих практик. В связи с этим система образования сама начинает искать выходы. Появляется новая обучающая практика. Преподаватели, догадываясь о несамостоятельности представленных на проверку работ, изыскивают педагогические и дидактические приемы по обучению студентов знаниям, умениям и навыкам в таких условиях и на таких видах работ. Парадокс? Да! Но преподаватели вынуждены объяснять и показывать ошибочность, несостоятельность или, наоборот, правильность «изучаемых» таким образом вопросов или тем. Не исключено, что вскоре могут появиться специальные исследования и разработки по методике преподавания различных дисциплин и организации учебного процесса с использованием таких фоновых практик. Абсурд? Возможно. Но он вполне реалистичен, как и отрицание и попытка «изгнать» эту практику из системы образования.

Таким образом, перед высшей школой остро встают вопросы и дидактики, и воспитания и формирования в стенах вуза личности молодого человека как неразрывные процессы.

Павел Кайгородов, 23 года, соискатель кафедры философии, образование – высшее, НГУЭиУ

1. Разобщенность молодежи весьма значительна, что в принципе неудивительно, для многочисленной группы, сформированной по возрастному признаку, особенно с учетом активных личностных изменений, характерных для пубертатного периода. Разумеется, можно выделить некоторые черты, применимые для всех молодых людей, но они будут носить скорее психологический, нежели социальный характер. В социальном же плане молодежь раздроблена на сегменты, воплощенные в различных субкультурах или движениях по интересам (байкеры, филателисты).

2. Основной ценностью-мотиватором для молодежи является интеграция в общество – молодые люди, прежде всего, стремятся определить свое место в социуме. Этот стимул вполне можно назвать универсальным, и данное положение не противоречит вышеприведенному тезису о разобщенности молодежи, потому что пути, следуя которым, молодые люди планируют достичь поставленной цели, могут быть диаметрально противоположными, ибо отвечают представлениям молодежи об обществе, его структуре и интересах.

3. В условиях фактического отсутствия гражданского общества в России от молодежи можно ожидать только усилий по его формированию. Действий, предпринимаемых в этом ключе, за молодежью не замечено – ни признание примата закона, ни осознание стратегических (исторических и конъюнктурных) процессов, протекающих в стране не являются типичной чертой молодого гражданина сегодняшней России. Отдельные вспышки правозащитных кампаний инспирированы зачастую людьми,

че отчаянье оказалось достаточно велико, чтобы подвигнуть их на борьбу. В состоянии равновесия же политическая и социальная инициатива по молчаливому согласию делегируется властным структурам.

4. Современные средства коммуникации позволяют значительно расширить круг знакомств. Однако одновременно с увеличением числа уменьшается «глубина» контактов – эмоциональное наполнение, потенциальные обязательства по ним. Таким образом, формируется образ мышления, не подразумевающий «ядра» – немногочисленных друзей, в исходном смысле этого слова. Примечательно, что в среде социальных сетей формулировка «добавить в друзья» замещается термином «зафрендить». Расценивать это можно и как продолжение англофикации языка, и как подсознательную попытку различать понятия «друг» и «френд».

5. Уровень ксенофобии в молодежной среде пропорционален общесоциальному показателю. Последний же высок, что, впрочем, нельзя ставить в вину исключительно России – стандартная позиция национального государства в отношении своего места в мире: «справедник в кольце врагов». Живя в информационной среде, наполненной подобными посланиями, молодые люди, не задумываясь, принимают их в качестве точки отсчета в своем анализе окружающего мира.

6. Молодежь воспринимает образование как один из социальных лифтов. Поскольку высшее образование в данный момент стало неременным условием при приеме на работу практически любой квалификации, вполне предсказуемо число абитуриентов растет. В их среде можно различить тех, кто идет в вуз, чтобы получить профессию (квалификацию), и тех, кому требуется фор-

мальное подтверждение таковой (диплом). Последние зачастую поступают в те вузы, где есть возможность идти по пути наименьшего сопротивления – за счет взяточничества или низких требований к обучающимся. Практически отсутствуют студенты, понимающие образование еще и как процесс, формирующий мировоззрение, влияющий на личность и помогающий сформулировать собственный взгляд на мир. Разумеется, от такого непонимания, образование не теряет этих своих свойств, однако эффективность их снижается.

Светлана Варкова, 23 года, геодезист, образование – высшее, СГГА

1. Молодежь не является цельной, скорее существует несколько группировок, в которых есть свои интересы и цельность, а также среди молодежи есть отдельные люди, не включающие себя ни в какие группы.

2. Прежде всего – деньги и собственная значимость, которой добиваются чаще всего через деньги или связи.

3. Молодежь пытается противостоять гражданскому обществу, часть просто не принимает его ценностей.

4. Это трудный вопрос, я думаю, что Интернет делает общение более доступным, с одной стороны, это дает возможность сознательной молодежи получать больше информации, общаться с людьми, с которыми они не смогли бы встретиться без Интернета, но в большей степени это развращает молодежь.

5. Это очень большая проблема в современном обществе, я знаю очень мало людей, которые терпимо относятся к приезжим.

6. Сейчас молодежь перестает ценить классическое образование, но при этом активно занимается самообразованием, и за-

частую знания, полученные не в университете, а в процессе работы, посещения курсов или чтения литературы более глубокие, чем у студентов, закончивших вуз.

Мария Варкова, 23 года, предприниматель, образование – высшее, СГГА

1. Молодежь – это объединение в первую очередь по возрасту, но их интересы, занятия, деятельность бывают очень разными, поэтому я не уверена, можно ли назвать молодежь цельной группой.

2. Мне кажется, что молодежь настолько разная, и ценности у отдельных ее представителей совершенно противоположные. Так, есть студенты: для них важно окончить институт, найти хорошую работу, может быть, – открыть свой бизнес. Есть ПТУшники, – они бы только пиво пили и трудились бы на низкоинтеллектуальной работе. Есть и того хуже: те, кто от детской колонии до тюрьмы перебрался... но и это очень общее и совершенно поверхностное деление.

3. А разве молодежь не часть гражданского общества?

4. Молодежь совершенно перестает общаться «вживую». С появлением компьютеров, коммуникаторов и других подобных устройств, а также социальных сетей, асек [имеется в виду программа ICQ], твиттеров – большая часть молодежи даже звонить по телефонам перестала – все обмениваются сообщениями! – и 99 процентов так называемых ими друзей – те, кого они уже несколько лет не видели вживую, а кого-то и вовсе никогда – только фото.

5. Так это тоже от конкретных людей зависит. Существуют же всякие группировки молодежи против конкретных рас, нацеленные на убийство, истребление, а есть и целые институты международных от-

ношений, куда молодежь идет, и каждый день встречается с иностранцами, и даже радуется этому! Для кого-то это очень интересно. Некоторые в путешествиях ищут не только впечатлений от достопримечательностей, но и общения с иностранцами. Лично я считаю, что это очень интересно, как живут люди в других странах, какие они.

6. В последнее время образованию отводится важная роль: отовсюду мы слышим, что, чтобы чего-то добиться в жизни, необходимо получить образование, желательно высшее, а еще лучше – в престижном вузе и по востребованной специальности. Поэтому есть мнение, что успешный человек обязательно должен иметь образование, чтобы чего-то добиться в жизни. И большинство молодежи стремится попасть в институт, хоть на какую-нибудь специальность, на любую форму обучения, в зависимости от способностей, материального положения и личных убеждений.

Инга Снежнова, 24 года, менеджер по развитию, образование – высшее, СибУПК

1. Думаю, она не очень цельная, ибо нет единой объединяющей их идеи. Хотя определенная цельность среди небольших групп присутствует.

2. Если в целом – в основном собственное материальное обогащение, стремление к самоутверждению, самореализации (финансовом или реже творческом плане).

3. В последнее время молодежь пытается участвовать в формировании гражданского общества, но как-то зачастую неуклюже. Многие не понимают, что именно является благом для этого общества, и часто не имеют собственного мнения, идут на поводу у тех, кто это стремление использует в своих частных корыстных целях.

4. Нехорошо они на них влияют. Молодежь редко подвергает сомнению информацию из них. В связи с чем, становится легко манипулируемой.

5. Весьма существенна, особенно в последнее время. И зачастую основная движущая сила – это молодежь, относящаяся к категории «неблагополучной», ибо они не подвергают сомнению «вбиваемые» в их голову идеи «чистоты нации» и т.д.

6. Молодежь сейчас делится на 2 категории: на тех, кто уверен, что хорошее образование – это залог успешности в будущем, и на тех, кто считает, что оно вообще не нужно, и всего можно достичь и так. Хотя, многие, даже пойдя в высшие учебные заведения, ходят туда только для получения диплома, а не для получения знаний.

Олег Куканов, 22 года, радиоведущий, образование – высшее, НГТИ

1. Мне кажется, очень много субкультур дробит молодежь на группы, а с учетом неприязни меж некоторыми из них молодежь трудно назвать единой. Однако, мне кажется, существует какая-то определенная группа молодежи, которую можно назвать социально активной и сознательной.

2. «Круто – не круто». «Выгодно – не выгодно». «Разумно – не разумно», но это редкость.

3. Иногда мне кажется, что гражданское общество борется с молодежью и наоборот. Учитывая последние проявления недовольством властью среди молодежи, можно сказать, что и с государством молодежь борется. Можно сказать, что веянья анархизма присутствуют в массах.

4. Разительно. Ускоряется процесс прививания моды, ускоряется выход из моды некоторых вещей, плюс к тому, чтобы стать известным человеком достаточно много сидеть в Сети. Люди уходят в виртуал и зачастую не выходят из него, даже когда пытаются одеться на улицу. Часто вижу людей, одетых модно, но неподходяще для Сибири.

5. Скинхеды бьют грузин, все остальные не любят [выходцев из Средней Азии]. Больше проблем я не вижу, кроме того, что все хотят свалить в Америку.

6. Никому образование не нужно. Во-первых, система у нас не лучшая, во-вторых, есть люди, которые, выразятся еще более радикально. Плюс к тому, всегда можно купить диплом, как и любое рабочее место. По-моему, в 50 % случаев «специалист» – это тот, кто загнобил других специалистов.